

"Новобрачная поневоле"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

1825 год

Его высокопреосвященство епископ Аксминстерский сидел возле окна в жестком дубовом кресле с высокой спинкой и смотрел в парк.

Сад вокруг дома был сильно запущен, но все же не лишен привлекательности.

Золотистые весенние нарциссы великолепным ковром устилали лужайку под высокими дубами.

Солнце отражалось в озере, раскинувшемся в том месте, где цистерцианские монахи расширили реку, когда строили свое аббатство. Епископ, красивый мужчина с чеканным профилем, размышлял о тех давних временах, когда Аббатство Вернем было в здешних местах большой силой.

Когда Генрих VIII издал указ о закрытии монастырей, имущество и земли аббатства были переданы сэру Ричарду Верну и значительно увеличили его и без того немалое состояние.

Епископ, высокородный Лоример Берн, мог проследить свою родословную до тех времен, когда Верны не только занимали важное положение при дворе, но и обладали большими поместьями. Они весьма почитались за щедрость и справедливость, с которыми правили своими владениями.

Епископ вздохнул. В этот момент в холле раздались голоса, и епископ быстро обернулся к дверям.

Голоса были уже совсем рядом, дверь распахнулась, и вошел тот, кого он ждал.

— Альварик! — Епископ поднялся с кресла.

— Здравствуйте, дядя Лоример. — Я так и подумал, что вы здесь. Спасибо, что приехали.

— Рад приветствовать тебя дома, Альварик, я долго ждал твоего возвращения.

Молодой человек весело засмеялся. Этот смех, казалось, рассеял мрак обшитой темными панелями комнаты с низким потолком и узкими окнами, пропускавшими очень мало света.

— Ваше письмо добиралось до меня полгода, — сказал он. — В конце пути туземным курьерам пришлось пробежать больше двухсот миль, чтобы доставить мне его.

— Я так и подумал, что тебя задержало что-то в этом роде, — ответил епископ. — Входи, мой мальчик, и садись. Я хочу посмотреть на тебя.

Племянник уселся в дубовое кресло, украшенное резной монограммой и короной.

Слабый свет просачивался сквозь давно не мытые окна; епископ внимательно оглядел племянника и остался доволен.

В свои тридцать два года Альварик, был исключительно красив и производил впечатление

очень сильного и здорового человека. Об этом говорило его стройное тело, на котором не было ни унции лишнего жира, блестящие глаза и загорелая кожа.

Некоторое время племянник и дядя молчали, наконец епископ сказал, словно извиняясь:

— Когда ты получил наследство, единственное, что я мог сделать, — это просить тебя как можно скорее вернуться домой.

— Я постарался приехать как можно быстрее.

— Я понимаю, но твой путь домой занял слишком много времени, и сейчас, когда ты здесь, мне бы хотелось сообщить тебе новости получше.

Альварик, теперь одиннадцатый барон, удивленно поднял темные брови. Потом, скорее из вежливости, чем из любопытства, поинтересовался:

— Как умер мой кузен?

— Он погиб вместе с твоим дядей. Карета, в которой они ехали, перевернулась.

Лорд Вернем молчал, ожидая продолжения.

— Ты можешь узнать всю правду. Твой кузен Жервез, как всегда, был пьян, и по какой-то причине они с твоим дядей решили поздно вечером отправиться из Лондона в Вернем. — Епископ помолчал и продолжил. — Мой брат давно уже не интересовался ни домом, ни землей, и я могу только гадать, зачем он вдруг решил ехать сюда, — возможно, рассчитывал найти что-то, что можно еще продать.

— Продать?

— Я уже сказал, Альварик, мне бы хотелось порадовать тебя хорошими известиями, но, пожалуй, тебе лучше услышать правду от меня, чем от поверенных.

— Когда я девять лет назад уезжал из Англии, то и понятия не имел, что мой дядюшка проигрывает все, что не входит в родовое имущество.

— Это правда, — подтвердил епископ, — и Жервез не пытался остановить его. На самом деле, он тратил не меньше, чем его отец.

— Азартные игры?

— Прибавь к этому вино и женщин, причем самых дорогих.

— То есть вы хотите сказать, что я унаследовал только родовое имение, которое они не могли прибрать к рукам. Аббатство, насколько я вижу, просто разваливается, да еще, несомненно, осталось немало долгов.

— Горы долгов, — подтвердил епископ.

Лорд Вернем подошел к одному из окон и открыл его, заметив при этом, что защелка сломана.

Он широко распахнул окно и выглянул в сад, который во времена его деда был очень красив. Дальше виднелось озеро, в котором он поймал свою первую форель, и парк, где он учился ездить верхом.

Вернем был для него полон воспоминаний, и, живя за границей, он часто думал о нем, когда страдал от невыносимой жары. Когда по ночам ему не давали спать крики диких животных, он представлял себя среди красоты и покоя аббатства.

Никогда, даже на мгновение, он не предполагал, что может унаследовать его.

У его дяди, десятого лорда Вернема, был сын и наследник, который постоянно собирался вот-вот жениться.

Отец Альварика погиб при Ватерлоо, мать умерла за три года до этого, денег оставалось немного, и поскольку ничто не удерживало его в Англии, он решил уехать за границу.

Никто не жалел о его отъезде, разве что дядя Лоример, которого он всегда искренне любил. Он отправился навстречу приключениям со всем пылом и энтузиазмом молодости, его ничто не удерживало, не связывало, ничто не препятствовало его путешествиям.

Дядино письмо, грязное и измятое за долгие месяцы пути, которое достигло его в дебрях Африки, произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Сначала он не мог поверить, что в результате двух неожиданных смертей стал главой семьи.

У его деда было три сына. Старший, дядя Альварика Джон, получил образование и воспитание, соответствующее его положению, которое он должен был занять после смерти отца. Второй сын, отец Альварика, стал военным, а третий, Лоример Берн — священником.

Такой традиции Верны придерживались в течение нескольких веков, и основная часть фамильного состояния всегда находилась в руках того, кому принадлежал титул.

— Что случилось с землей, которой мы владели в Лондоне? — спросил лорд Вернем. — Насколько я помню, нам принадлежат Вернем-сквер в Блумсбери и несколько улиц.

— Твой дядя ухитрился обойти закон и продал их.

— Разве это законно?

— Нет, но никто не стал вмешиваться, и я подозреваю, что если бы они тогда не получили эти деньги, то один из них отправился бы в тюрьму.

— Может, вы все-таки расскажете мне, что же осталось?

Лорд Вернем отошел от окна и снова уселся в кресло напротив своего дяди.

— Боюсь, то, что я должен сказать, окажется для тебя ударом, — поколебавшись начал епископ. — Не знаю, помнишь ли ты человека по имени Теобальд Мур? Его земли примыкают к аббатству с юга.

— Мур? — задумчиво повторил лорд Вернем. — Я, кажется, помню это имя. Он был другом семьи?

— Твой дед отказался принять этого человека у себя в доме, когда тот купил Кингсклер — поместье, которым предыдущие хозяева владели несколько веков.

— Я полагаю, дед считал его выскочкой, — улыбнулся лорд Вернем.

— Ты совершенно прав, — ответил епископ. — Мой отец очень настороженно относился к новым соседям, а Теобальда Мура, похоже, невзлюбил с первого взгляда.

— Что же случилось? — поинтересовался лорд Вернем.

— Как только твой дядюшка получил наследство, Мур стал его другом. Он чрезвычайно богат, и подозреваю, что мой брат с первого же дня знакомства стал брать у него в долг.

Епископ замолчал, словно ему было трудно говорить подобные вещи о своем родственнике. Потом продолжил:

— Не знаю, была ли щедрость Мура корыстной с самого начала. Но несомненно, что с годами у него появилась серьезная причина давать моему брату деньги, которые были нужны Жервезу для игры, и покупать все, что тот хотел продать.

Лорд Вернем обеспокоенно посмотрел на него.

— Картины! — воскликнул он.

— Теперь они все принадлежат Теобальду Муру.

Лорд Вернем снова вскочил на ноги.

— Черт побери, дядя Лоример! Извините за грубость, но это уже слишком! Это же семейные картины! Они принадлежат всем нам, а не кому-то одному, да и потом, большинство из них — портреты.

— Возможно, мы должны быть благодарны Муру, за то, что он сохранил всю коллекцию в неприкосновенности, — предположил епископ, хотя и не слишком уверенно.

— Что еще из наших вещей находится у него?

— Серебро.

Лорд Вернем сжал губы.

Серебро было тоже частью истории семьи Верное. Частично оно принадлежало еще цистерцианским монахам. Некоторые изделия были подарены Генрихом VIII и теми монархами, которым служили Верны.

Было там и предметы из походной шкатулки генерала Родерика Верна, которую он брал с собой на войну, сражаясь под началом герцога Мальборо, и изумительной красоты серебряный сервиз, подаренный Георгом II к свадьбе прапрапрадедущке Альварика.

Он помнил, как утварь из серебра украшала стол на Рождество и другие праздники, когда вся семья собиралась в большой столовой, где когда-то монахи вкушали свою скромную пищу.

Огромная люстра, украшенная гербом Верное, сияла и бросала отблески на кубки и чаши, блюда и вазы. Еще мальчиком он с восхищением смотрел на них, они, казалось, сверкали, как солнечный свет на глади озера.

Лорд Вернем прошелся по комнате, чтобы немного успокоиться. Потом сказал:

— Полагаю, не надо спрашивать, что случилось с гобеленами. Они были уникальны, и мне

даже не верится, что они уже не висят на стенах аббатства.

— Я уверен, что о них хорошо заботятся, — отозвался епископ.

— Но они принадлежат этому Муру. Можно ли как-то опротестовать его право на владение всем этим?

— Ни один суд — медленно заговорил епископ, — не вернет их тебе, пока ты не отдашь долг, в залог которого были отданы все эти сокровища.

— И сколько же это? — спросил Альварик.

Прежде чем ответить, епископ мгновение помолчал.

— Более пятидесяти тысяч фунтов!

— Не может быть! — воскликнул лорд Вернем.

Потом он посмотрел на дядю и понял, что епископ назвал точную цифру.

Он глубоко вздохнул.

— Значит, это конец, — сказал лорд Вернем, — конец аббатству, конец всему поместью и, можно сказать, конец семье.

Он снова подошел к окну, словно нуждаясь в глотке свежего воздуха, прежде чем заговорил:

— Вы имеете представление о том, как невелико мое состояние. У меня достаточно денег, чтобы жить в достатке и оплачивать свои путешествия, но этого не хватит даже на год чтобы жить в этом доме, не говоря уж о большем.

Он помолчал и продолжил:

— Конечно, фермы должны давать какой-то доход.

— Они по большей части стоят пустые, — ответил епископ. — Твой дядя и слышать не хотел о ремонте, а когда арендаторы умирали или уезжали, некому было найти новых.

Многие дома стоят без крыш, и понадобятся исключительно хорошие фермеры, чтобы привести землю в порядок.

— Но я помню, говорили, что во всей стране нет ферм лучше.

— Да, во времена твоего дедушки.

Лорд Берн отвернулся от окна.

— Дядя Лоример, скажите, что мне делать? — спросил он.

— Иди сюда и садись, — ответил епископ. — Кое-что ты можешь сделать, но мне трудно говорить об этом.

— Почему? — удивился лорд Вернем.

— Я, кажется, уже говорил, что у Мура была цель, когда он начал ссужать твоего дядю

деньгами для его безудержной игры, а также обеспечивать роскошную жизнь Жервезу.

— Похоже, он либо сумасшедший филантроп, либо просто дурак.

— Так-то оно так, если бы не одно «но», — ответил епископ.

— И что же это?

— У Теобальда Мура есть дочь. Епископ говорил тихо, но лорд Вернем вздрогнул, как от пистолетного выстрела.

— Дочь? — переспросил он.

— Она была помолвлена с Жервезом перед его смертью.

— Понятно! — медленно произнес лорд Вернем. — Значит, этот Мур хотел, чтобы его дочь стала хозяйкой аббатства Вернем. И, похоже, был готов дорого заплатить за эту честь.

— Он просто одержим этой идеей, — подтвердил епископ. — Эта страсть у него не менее сильна, чем страсть твоего дяди к азартным играм. Это мечта всей его жизни, и он не успокоится, пока не достигнет своей цели.

Лорд Вернем замер в неподвижности. Потом его темные глаза встретились с глазами дяди, и в них был невысказанный вопрос.

— Я видел Мура вчера, — спокойно продолжал епископ. — Он сообщил, что если ты готов жениться на его дочери, в качестве свадебного подарка он вернет все, что раньше принадлежало аббатству. Кроме того, он хочет восстановить дом, хозяйственные постройки и все фермы.

Лорд Вернем громко вздохнул.

— Насколько я понимаю, — продолжал епископ, — его дочь, Харита, сама располагает состоянием в триста тысяч фунтов, а после смерти отца унаследует все его богатство.

— Вы серьезно мне это предлагаете? — спросил лорд Вернем.

— Я лишь рассказываю о том, что готов сделать Мур, а он человек слова.

— Но эта девушка — она действительно может так быстро перенести свои чувства с одного мужчины на другого?

— Сомневаюсь в том, может ли она выбирать, что ей делать или не делать, — сухо отозвался епископ, — и к тому же если она согласилась выйти замуж за Жервеза, то, несомненно, посчитает тебя весьма приятной заменой.

Лорд Вернем еще раз прошелся по комнате.

На деревянном полу лежало лишь несколько сильно вытертых ковров, и его шаги звучали гулко и зловеще, как поступь могильщика.

— Это слишком! Такого нельзя требовать ни от одного мужчины! — воскликнул он. — Я был свободен. Был сам себе хозяин. Если говорить откровенно, как бы я ни уважал и ни почитал наш род, у меня нет ни малейшего желания исковеркать свою жизнь ради традиций.

— Я могу это понять, — сочувственно отозвался епископ, — но у нас есть еще и долг, Альварик. Что бы ты ни чувствовал, что бы ни думал, ты теперь лорд Вернем и глава семьи.

— Того, что от нее осталось.

— Есть более пятидесяти представителей семейства Верное, которые могут претендовать на близкое родство с нами, а кроме них еще великое множество других, которые имеют к нам отношение благодаря бесчисленной веренице браков и рождений.

— И вы считаете, что этот дом для них что-то значит?

— Так же, как для тебя и для меня, — ответил епископ. — Это колыбель их рода, и как бы ни сложились их жизни, они чувствуют эту связь. В роду Вернов встречались и слабые, недостойные люди, и такие, как твой дядюшка, пускавшие наследство по ветру, порочащие наше имя. Но ты сам знаешь, рассказы о мужестве и отваге многих Вернов передаются из поколения в поколение, и они будут вдохновлять тех, кто родятся после нас.

В голосе епископа звучала трогательная искренность, и, помолчав, племянник тихо сказал:

— Я понимаю, чего вы от меня хотите.

— Король Генрих Наваррский сказал, что Париж стоит мессы, — ответил епископ. — Я надеюсь, Альварик, когда ты хорошенько подумаешь, то придешь к заключению, что аббатство стоит женитьбы.

— От одной этой мысли я прихожу в ужас! — воскликнул лорд Вернем. — Это даже не брак по договоренности. Я прекрасно знаю, что подобные вещи нередко случаются в благородных семействах, а на Востоке ни одна девушка не видит жениха до свадьбы.

Он глубоко вздохнул и добавил:

— Но эта девушка, дочь Теобальда Мура, она же была помолвлена с моим кузеном.

— Жервез готов был жениться даже на дочери дьявола, лишь бы у нее было хорошее приданое, — насмешливо сказал епископ.

Лорд Вернем не мог удержаться от смеха.

— Вот за подобные высказывания я и любил вас всегда, дядя Лоример. Любой другой на вашем месте, даже если ему в голову пришла подобная мысль, облек бы ее в подобающую епископу форму.

Глаза епископа весело блеснули.

— Сейчас я разговариваю с тобой не как епископ, а как представитель семейства Вернов. Не стану скрывать, что не питал особой любви к Жервезу, и, если бы это не было очень не по-христиански, я бы сказал тебе, что от его смерти мир только выиграл.

— Даже так? — удивленно поднял брови лорд Вернем.

— Еще хуже! — коротко бросил епископ. — Найдется немало желающих рассказать тебе о поведении кузена, и мне нет смысла этим заниматься. Скажу только, что меня потрясло, как отец, кем бы он ни был, мог захотеть, чтобы его дочь вышла замуж за Жервеза.

— Что снова возвращает нас к Теобальду Муру, — сказал лорд Вернем.

— Бот именно!

— Вы, вероятно, хотите, чтобы я увиделся с ним?

— В противном случае тебе придется оставить здесь все как есть и вернуться туда, откуда ты приехал. В дебрях Африки тебе, несомненно, удастся забыть об аббатстве, и оно постепенно разрушится.

Епископ говорил ровным голосом, но от этого его слова звучали еще убедительнее.

Лорд Вернем снова поднялся и подошел к окну.

Он подумал, что нарциссы еще более золотистые, чем ему помнилось, и он был уверен, что там дальше, на берегу озера, цветут золотые калужницы.

В детстве он какого собрал их для бабушки и был горько разочарован, когда они завяли, едва он принес их домой.

Интересно, а форель по-прежнему плавает в тени старых ив? Когда-то, когда он был еще мальчиком, один из садовников научил его ловить рыбу. Это не раз пригодилось ему потом, когда он оказывался в отдаленных уголках земли и хотел поесть рыбы.

Но ни одна из рыб не могла сравниться с форелью, обитающей в реке Вернема, так же как ни один экзотический фрукт не мог быть вкуснее тех персиков, которые он тайком от садовника таскал из окруженного высокой стеной сада позади конюшен. Сейчас, наверное, этот сад совсем зарос сорняками, а в конюшнях нет лошадей, не слышно, как насвистывает грум, когда чистит черный, коричневый или рыжий бок.

Да, в конюшне и будет тихо, если только призраки лошадей жадно тянут морды из своих стойл за морковкой или яблоком.

И в длинной картинной галерее тоже одни призраки, там, где так хорошо было не только играть в прятки, но и кататься по сверкающему полу.

— Ступайте отсюда, мастер Аларик, — говорили горничные. — Пришли в грязных сапогах и все испачкали!

Но на кухне его всегда ждал пряник или большая гроздь винограда.

Когда он стал старше и начал ездить на охоту, повара срезали ломтики с висящих на потолочных балках окороков и упаковывали в серебряную коробочку, которую укладывали в специальный кармашек на седле.

Весь дом и сад были наполнены для него воспоминаниями.

Вон в той роще он застрелил своего первого фазана — он до сих пор помнил свой восторг! А вот то место в парке, где они вместе с егерем охотились с хорьками, а его любимый хорек застрял в норе, и он думал, что уже никогда его не увидит.

Все детство Альварика было связано с Аббатством, и, хотя у его родителей был собственный дом на другом краю деревни, именно Аббатство всегда притягивало его, а бабушка с дедушкой всегда были рады, когда он приходил сюда.

— Не позволяйте Аларику надоедать вам, — словно слышал он нежный голос матери.

— Аларик никогда не надоедает, — отвечала бабушка. — Он настоящий Верн, и дедушка только вчера сказал, что он лучший наездник во всей семье. Никто не может с ним сравниться!

С какой гордостью он ездил верхом по округе, чувствуя, что все это принадлежит ему просто потому, что он Верн.

Он старался быть приветливым с Жервезом, но кузен всегда отталкивал его.

— Тебе всегда достаются лучшие лошади, — со злостью крикнул как-то раз Жервез. — Бот поэтому ты всегда оказываешься впереди на охоте!

Настоящая причина заключалась в том, что Жервез был неважным наездником, но Альварик был слишком тактичен, чтобы сказать это.

— Следуй за мной, Жервез, — отвечал он, — и мы всех обгоним!

Но Жервез только злился. Он ничего не хотел делить со своим старшим кузеном.

Теперь лорд Вернем понимал, что это была еще одна из причин, почему он после смерти дяди уехал за границу. Ему было бы трудно не возражать против того, как Жервез обращается со слугами, арендаторами — людьми, всю жизнь прожившими в поместье, для которых это был родной дом.

Когда он стал старше, его стало все больше раздражать пристрастие дяди к азартным играм и его полное пренебрежение к аббатству. Он начал замечать, что многое требует ремонта. Пенсии старых слуг были далеко не такими щедрыми, как следовало бы. Коттеджи разрушались и пустели.

Ему ясно дали понять, что дела аббатства его не касаются. Он уехал за границу, но забыть Вернем не смог. Аббатство постоянно жило в его памяти, и он знал, что, если сейчас уедет, бросив все на произвол судьбы, воспоминания о нем будут преследовать его до самой смерти.

И все-таки внутри что-то яростно и упрямо протестовало против того, чтобы дать связать себя по рукам и ногам. Он не хотел жениться. В его жизни было много женщин, но рано или поздно все они надоедали ему, и он без особых сожалений расставался с ними.

Невыносимо быть привязанным к одной женщине, да еще к дочери человека, который, можно сказать, купил аббатство.

Ему становилось тошно от одной мысли, что кто-то приобретал одно сокровище за другим, снимал картины и гобелены со стен, доставал серебро из огромного сейфа, стоявшего в комнате дворцового, забирал фарфор, хрусталь, произведения искусства, которыми бабушка окружила себя в спальне и будуаре.

С этой точки зрения у Теобальда Мура были, несомненно, очень сильные позиции, и свобода Альварика казалась небольшой ценой за все это.

— Ну что же, во всем этом есть по крайней мере одно утешение, — произнес он вслух, понимая, что ни он, ни его дядя уже долгое время не проронили ни слова.

— Какое же? — поинтересовался епископ.

— Здесь достаточно места для моих животных.

— Твоих животных? — удивленно переспросил епископ.

— Если быть точным, то двух гепардов, двух львов и большого числа попугаев.

— Ты привез их с собой?

— Я не мог их оставить. Я их приручил, и если бы теперь, после стольких лет, выпустил на волю, они бы неизбежно погибли.

— Ты полагаешь, они впишутся в английский пейзаж?

— Дядя Лоример, вы же сами знаете, что это будет не первый зверинец в Англии. Юлий Цезарь очень удивился, увидев, что древние бритты приобретают зверей для удовольствия. В течение веков представители знати держали диких животных. Есть даже сведения, что один из них получил в подарок медведя от сына Вильгельма Завоевателя.

Он улыбнулся и продолжал:

— Еще мальчиком я любил слушать историю про знаменитого белого медведя в замке Тауэр, которого перевезли туда из зверинца Генриха III в Вудстоке.

— Я забыл эту историю, — пробормотал епископ.

— Городским властям пришлось снабдить его намордником, железной цепью и крепкой веревкой, а чтобы какого оправдать свои расходы, они каждый вечер водили медведя на Темзу, и он ловил себе рыбу на ужин.

Епископ засмеялся:

— Теперь я припоминаю, что в Вудстоке еще в 1100 году держали львов, леопардов, верблюдов и рысей.

— Англия лишь следовала примеру Италии, — ответил лорд Вернем. — Если помните, дядя Лоример, зверинец во Флоренции был гордостью города, а папа Лев X поселил своих диких животных прямо в Ватикане.

— Я читал об этом, — сказал епископ, — и о том, что у Леонардо да Винчи тоже были животные, которых он так великолепно рисовал!

— Мне хотелось бы привезти их с собой еще больше, — заметил лорд Вернем. — Я собирался взять и страуса, но бедняги плохо переносят дорогу.

— А твоим львам и гепардам дорога не повредила?

— Когда я их видел в последний раз, они были в полном порядке, разве что немного возбуждены. Они едут в специальных фургонах, а на это, как вы понимаете, уйдет некоторое время. А сам я приехал почтовой каретой, поскольку знал, что вы меня ждете.

— Я получил твое письмо с сообщением, что ты высадился в Саутхемптоне, и ломал голову, почему ты сразу не приехал сюда.

— Мне нужно было проследить за выгрузкой своего семейства, — ответил лорд Вернем. — Я с

нетерпением жду, когда смогу его вам представить. Уверен, что, по крайней мере, попугаи найдут вас, дядюшка, неотразимым, как святого Франциска!

Епископ снова засмеялся:

— Ты еще ребенком был полон всяческих сюрпризов, Альварик, и удивляешь меня до сих пор. Я почему-то не думал, что ты можешь держать диких животных в качестве домашних любимцев. Скорее уж представлял тебя охотящимся на них, как при жизни твоего отца.

— Может быть, общаясь с буддистами, я вдруг понял, что больше не хочу отнимать жизнь у живых существ. Иногда это бывает необходимо, потому что мое семейство хочет есть, а я не могу позволить им охотиться здесь, в Англии. Но убивать ради еды — это совсем не то, что убивать ради удовольствия.

— Ты снова удивил меня, Альварик.

— Это ни в какое сравнение не идет с тем, как вы удивили меня, — ответил лорд Вернем. — А теперь, дядя Лоример, как вы считаете, есть у нас шанс найти что-нибудь выпить? Меня после долгой дороги мучает жажда.

— Я совсем забыл, мой мальчик! — воскликнул епископ. — Мне следовало раньше сообразить, но я был так озабочен тем, что надо тебе сказать, и совершенно забыл обо всем остальном.

Он встал.

— Я действительно привез с собой вино, и мы найдем его в столовой, где мои слуги накрывают стол с холодными закусками. Я так и подумал, что ты будешь голоден.

— Еще как, — подтвердил лорд Вернем. — Я так благодарен вам, дядя Лоример.

Они вышли из комнаты и пошли в большую столовую по коридору, в котором не было ни мебели, ни картин. Лорд Вернем хорошо помнил длинный стол, который просто не мог бы поместиться в другом доме и за который усаживались когда-то пятьдесят монахов во главе с настоятелем.

Гораздо позднее была добавлена галерея менестрелей с изящной резной решеткой, скрывавшей музыкантов.

Огромный камин работы мастера XVII века был отделан великолепным мрамором.

Высокие стрельчатые окна украшали цветные витражи с гербом Вернов и некоторых родов, связанных с ними по линии брачных уз.

Но сейчас и епископа, и лорда Верна больше интересовала еда, аккуратно расставленная на одном конце стола на белоснежной льняной скатерти, и две бутылки вина в серебряном ведерке со льдом.

— Да, дядюшка Лоример, — пошутил лорд Вернем, — хотя вы и холостяк, но пользуетесь всеми удобствами семейной жизни.

— Не всеми, мой мальчик, только некоторыми, — возразил епископ. — Я думаю, мы оба немного успокоимся после еды. То, что нам пришлось пережить сегодня утром, вызывает ощущение по крайней мере беспокойства.

— Я очень благодарен, что вы сами мне обо всем рассказали, — проговорил лорд Вернем. — Вы правильно предположили, что мне было бы очень неприятно услышать обо всем этом от постороннего человека.

— Именно так я и подумал, — подтвердил епископ.

Он сел во главе стола, словно это по праву было его место, сложил руки в короткой молитве. Потом серебряным ножом начал резать прекрасную лососину, лежавшую перед ним на блюде.

— Прошу меня извинить, Альварик, но я должен напомнить — сегодня пятница, и я вынужден ограничиться рыбой.

— Должен признаться, я тоже неравнодушен к лососине, — ответил лорд Вернем.

— В это время года лосось особенно хорош, — епископ положил рыбу сначала племяннику, потом себе.

— Я открою вино? — предложил лорд Вернем.

— Да, пожалуйста, — согласился епископ. — Я подумал, что будет лучше, если мы сами будем обслуживать себя за столом. Невозможно разговаривать, когда или мой капеллан, или слуги слышат каждое слово.

— Вы правы. И уверяю, я научился прекрасно обслуживать себя сам, по крайней мере до тех пор, пока не обучал местных жителей в том месте, где останавливался, зачаткам этого искусства.

Он улыбнулся и добавил:

— Обычно это бывало нелегко.

— Но тебе такие испытания, похоже, пошли только на пользу.

— Никогда не чувствовал себя лучше! У меня была трудная, но интересная жизнь.

— Мне очень хочется обо всем услышать, да и тебе предстоит немало узнать о своей стране.

— Я тоже так считаю, но все, кого я спрашивал, рассказывают только о похождениях и сумасбродствах короля.

— Да, его величество всегда славился своим безрассудным поведением, — согласился епископ.

— Но после того, как он наделал долгов в юности, потом всю жизнь было уже почти невозможно от них освободиться.

— Хотел бы я, чтобы мой дядюшка, останься он жив, мог бы сказать то же самое в свое оправдание, — вздохнул Альварик.

— Между их излишествами нет ничего общего, — возразил епископ. — Король строил дворцы, покупал картины и статуи. Он потратил целое состояние на Карлтон-Хаус, и еще одно на королевский павильон в Брайтоне. Но, кто знает, может, со временем окажется, что они стоят больше, чем он за них заплатил.

— А мой дядюшка просто спускал деньги за карточным столом, — горько подытожил лорд Вернем, — а в результате после него остался лишь долг, который мне придется платить за

него.

— Вот именно, — согласился епископ. — Альварик, позволь мне выпить за твое здоровье и сказать, что в этой ситуации ты поступил не только как настоящий джентльмен, но и как истинный Верн.

Лорд Вернем знал, что у его дяди это высшая похвала, и, когда тот поднял бокал, сказал, пряча в глазах улыбку:

— Благодарю вас, дядя Лоример, но мне почему-то кажется, что вы не были бы так благодарны, если бы это вам, а не мне пришлось жениться на дочери Теобальда Мура.

— Это правда, — согласился епископ, — но, кто знает, она может оказаться лучше, чем ты ожидаешь.

— Я ничего не ожидаю, — сказал лорд Вернем, — но все равно, расскажите, какая она.

— К сожалению, я никогда ее не видел, — ответил епископ.

— Тогда я действительно получаю кота в мешке. Она может оказаться косая и щербатая. Об этом вы не подумали?

— Ну-ну, Альварик, — спокойно отозвался епископ, — ты уже начинаешь выдумывать бог знает что.

Кстати, этот Теобальд Мур, хотя и неприятный тип, имеет вполне приятную внешность.

Он посмотрел на племянника и добавил:

— Это удивительно, но он джентльмен и из хорошей семьи, я навел справки.

— Это обнадеживает, — отозвался лорд Вернем, и, несмотря на насмешку в голосе племянника, епископ почувствовал некоторое облегчение.

— Более того, — продолжал он, стараясь найти какие-то приятные моменты в этой ситуации, — Теобальд Мур, несомненно, обладает хорошим вкусом. Я вчера был у них в доме по его приглашению, и, хотя роскошь Кингсклера ошеломляет, там ничто не оскорбляет взгляда.

— Вы могли бы попросить разрешения познакомиться с его дочерью, — сказал лорд Вернем, снова наливая вино в бокалы.

— По правде говоря, я думал, что Теобальд Мур сам это предложит, но когда он этого не сделал,

мне уже было неудобно самому просить. Это походило бы на шпионаж в твою пользу.

— Именно этого мне бы и хотелось.

— Мой мальчик, я многое готов сделать для тебя, но ухаживать за девушкой тебе придется самому.

— Ухаживать! — фыркнул лорд Вернем. — Об этом не может быть и речи. Я просто поставлю подпись в нужном месте, и нужное мне имущество будет передано мне в обмен на мой дворянский титул, которого, как мне кажется, я вовсе не заслуживаю.

— Вздор! — резко оборвал его епископ. — В тебе есть все, что нужно пэру. Если, конечно, не считать того, что ты так возмутительно здоров!

Лорд Вернем расхохотался.

— Согласен с вами, дядя Лоример. Для дворянина непростительно быть таким здоровым, как я. Мне бы следовало быть бледным, с ввалившимися от ночных попок глазами и зрением, испорченным за карточным столом. Я должен быть тощим от распущенного образа жизни и вялым от анемии.

Он снова засмеялся и продолжал:

— Вы и сами понимаете, что мне не так-то просто будет стать своим в палате лордов.

— А мне кажется, что палате лордов уже давно не хватает именно такого, как ты, — возразил епископ. — Ее представителям совсем не помешает немного свежего воздуха и здравого смысла.

— Ну, от меня они этого не получают, — ответил лорд Вернем. — На ближайшие пять лет мне и здесь работы хватит. И один вопрос я хочу решить с самого начала — хотя я и готов тратить деньги своего будущего тестя на восстановление поместья, я не позволю ему вмешиваться в дела управления. Этим буду заниматься я — и только я. Один!

— Не знаю, что из этого выйдет, — задумчиво произнес епископ, — но мне почему-то кажется, что, добыв для дочери титул и поместье, на которое можно потратить ее состояние, Теобальд Мур отойдет в сторону.

— Надеюсь, вы правы, — сказал лорд Вернем. — Я не потерплю ничего вмешательства, и тем более вмешательства собственной жены, какая бы богатая она ни была!

Глава 2

— Я приказал реставрировать гобелены, вернуть былое величие изделиям из серебра, — сказал Теобальд Мур. — Ювелиры, которые ими занимались, говорили, что никогда не видели столь прекрасных вещей в таком запущенном состоянии.

Лорд Вернем промолчал.

Он прекрасно понимал, что мистер Мур ждет от него благодарности, но не мог заставить себя даже вежливо с ним говорить.

Он не мог себе этого объяснить, но так же, как и его дед, с первого взгляда почувствовал неприязнь к Теобальду Муру, хотя такое чувство было, казалось, совершенно необоснованным.

Как и говорил епископ, Теобальд Мур был высоким, довольно красивым мужчиной, несомненно джентльменом, но за долгие годы, проведенные за границей, когда дело касалось оценки окружающих, лорд Вернем научился доверять своему инстинкту.

В глухих джунглях Африки, вдали от проторенных дорог, ему приходилось решать, кому он может довериться, а кому нет, основываясь лишь на том чувстве, которое на Востоке называют «третий глаз».

Он часто размышлял, что в цивилизованном мире слишком привыкли полагаться на

рекомендации слуг, следовать чужому мнению в делах и даже о других людях судить с оглядкой на окружающих.

Поэтому он гордился, что все то время, когда он был вынужден пользоваться услугами туземцев и доверять им не только свое имущество, но и свою жизнь, он почти никогда не ошибался.

Едва обменявшись рукопожатием с Теобальдом Муром, Альварик понял, что этот человек ему неприятен и ему ни в коем случае нельзя доверять. Более того, если бы он мог повиноваться своим чувствам, то немедленно покинул бы Кингсклер и, подобно своему деду, никогда в жизни не увиделся бы больше с его владельцем.

К сожалению, в данном случае речь шла не о его желании, а о судьбе аббатства и всего поместья.

Мистер Мур был сама любезность.

Он провел лорда Вернема в комнаты, которые, как и говорил епископ, были обставлены не только роскошно, но и с большим вкусом. Альварик не без удивления смотрел на висящие вокруг картины, среди которых узнавал знаменитые шедевры. Он видел, что мебель достойна королевских апартаментов, и понимал, что человек, собравший такие сокровища, должен великолепно в них разбираться.

В другой ситуации, подумал лорд Вернем, он был бы очень рад иметь соседа, которого интересуется все то, что ценит и чем восхищается он сам.

Разбираться в живописи его учил дед, а бабушка рассказывала о гобеленах, которые украшали стены аббатства и которых становилось все больше с каждым поколением Верное.

Некоторые изображали сцены из истории их рода и были сотканы специально по заказу очередного владельца аббатства.

Часть из них была привезена с континента в качестве военных трофеев.

Эти гобелены составляли уникальную коллекцию, одну из лучших в Англии, и, проходя по просторным залам Кингсклера, лорд Вернем ожидал вот-вот увидеть фамильное сокровище.

— Мне кажется, вы были в Африке, — заговорил Теобальд Мур, когда они устроились в креслах эпохи королевы Анны, стоявших по обе стороны мраморного камина.

Одетый в неброскую, но элегантную ливрею лакей подал им бокалы с вином. Вино было безупречно, и прежде чем ответить, лорд Вернем с удовольствием попробовал его.

— Да, я несколько лет путешествовал по свету и, когда узнал о смерти дяди, находился, так сказать, в самом сердце Африки.

— Ужасная трагедия! — заметил мистер Мур. — Вдвойне ужасная, поскольку одновременно с ним погиб и ваш кузен.

Лорд Вернем молча кивнул, не в силах погрешить против истины — смерть Жервеза действительно была трагедией.

— Дядя говорил вам, — продолжал Теобальд Мур, — что ваш кузен Жервез был помолвлен с

моей дочерью.

— Да, я знаю.

— Об этом не было официально объявлено, но мы обсуждали условия брачного контракта, который, должен заметить, очень устраивал вашего кузена.

Лорд Вернем промолчал. Он чувствовал, что от манер собеседника у него, как у дикого зверя, встает дыбом шерсть на загривке.

— Буду откровенен с вами, милорд, — сообщил Теобальд Мур, — и признаюсь, что для меня аббатство всегда воплощало в себе все лучшее, что есть в английской архитектуре, а его атмосфера всегда казалась неотразимой. — Он помолчал и, не дождавшись ответа, добавил: — Поэтому я всегда с готовностью помогал вашему дядюшке, предлагал ссуды, в которых он так нуждался, чтобы продолжать свое любимое занятие — карточную игру.

— Весьма дорогое увлечение, — сухо заметил лорд Вернем.

— Полностью с вами согласен, но надо ли говорить, что я был не в состоянии поколебать его уверенность в скорой удаче. Если бы я не купил то, что он предлагал, нашлось бы немало других желающих.

Это, несомненно, было чистой правдой, и лорд Вернем попытался преодолеть свое предубеждение против человека, который искренне считал, что помог его семье.

— Я даже не предполагал, — продолжал Теобальд Мур, — что вашему дяде так не везет и что он почти никогда не выигрывает. — Он вздохнул. — Я, конечно, понимаю, что это оказалось исключительно неудачным для вашей семьи, всегда любившей аббатство и так ценившей его.

— Епископ сообщил мне, что вы купили почти все, что пытался продать мой дядя.

— Совершенно верно, — подтвердил Теобальд Мур, — а те несколько картин, которые он продал еще до нашего соглашения, мне удалось выкупить, хотя и пришлось заплатить значительно больше, чем получил за них ваш дядюшка.

Они опять помолчали. Лорд Вернем тщетно пытался выжать из себя хоть какие-то слова благодарности.

— И теперь вы можете убедиться, что все сокровища аббатства в полной сохранности находятся у меня в доме, — с победной ноткой в голосе произнес Теобальд Мур. — Их обследованием и реставрацией занимались специалисты, и многим вещам, можете мне поверить, это было остро необходимо. Теперь же, когда они будут возвращены на свои места, они, несомненно, придадут дому новую красоту.

— От имени всей нашей семьи могу с уверенностью сказать, что мы ваши должники, — сказал лорд Вернем.

Губы Теобальда Мура скривила улыбка, и лорд Вернем наконец понял, почему он не доверял этому человеку, почему тот был ему так неприятен. Он всегда считал, что рот человека может многое рассказать о своем обладателе, и было совершенно очевидно, что, несмотря на красоту мистера Мура, было что-то жестокое в этих тонких губах, плотно сжимавшихся в прямую линию. Лорд Вернем понял, что перед ним человек безграничной решительности, который никому и ничему не позволит помешать его планам.

«В нем есть нечто зловещее», — подумал лорд Вернем, но отбросил эту мысль как нелепую.

— Желаете взглянуть, как я разместил ваши сокровища? — предложил Теобальд Мур.

Лорд Вернем покачал головой.

— Предпочитаю подождать, пока они вернутся на свои законные места, — медленно произнес он.

В глазах сидящего напротив мужчины вспыхнул огонь.

— Дядя сообщил вам мои условия?

— Что я должен жениться на вашей дочери?

— Совершенно верно!

— Мне кажется, мистер Мур, — вы не оставили мне возможности отказаться, — заметил лорд Вернем. — Насколько я понимаю, мои покойные родственники, а теперь уже я, должны вам еще пятьдесят тысяч фунтов.

— Это так, — согласился мистер Мур, — но этот долг будет частью брачного контракта. Кроме того, я согласился восстановить аббатство, фермы и привести земли в порядок.

— Могу сказать лишь одно — вы чрезвычайно щедры.

Теобальд Мур встал и прислонился спиной к камину.

— Ваш дядя не спрашивал меня об этом, но, полагаю, вам интересно знать, милорд, как я приобрел свое богатство.

— Возможно, никто из нас не хочет показаться любопытным, — пробормотал лорд Вернем.

— Без ложного стыда могу сказать, что для этого мне пришлось немало поработать, — сказал Теобальд Мур. — Мой отец, мелкий землевладелец из Йоркшира, оставил мне несколько тысяч фунтов и большой кусок неплодородной земли. Я был тогда еще совсем молод, но понимал, что для моих целей этого недостаточно.

Он оглядел комнату взглядом, в котором читался триумф, и продолжал:

— Я стал покупать недвижимость — в Ливерпуле, Манчестере, Лидсе, потому что был уверен — рано или поздно эти города начнут расти, а кроме того, я покупал текстильные предприятия, вкладывал деньги в морские перевозки.

Он помолчал и добавил:

— Несколько лет это давало очень неплохой доход.

Больше мистер Мур ничего не сказал на эту тему, но лорд Вернем понял, что под «морскими перевозками» скрывалась работоторговля. Именно она приносила огромные доходы в конце восемнадцатого века, и только после того, как по всему миру зазвучал протест против жестокости, с которой велась эта гнусная торговля, общественное мнение, потребовало ее прекращения.

Этот человек безжалостен до жестокости, подумал лорд Вернем. Но он понимал, что не решится высказать вслух свое мнение и продолжал молча слушать Теобальда Мура.

— В отличие от вашего дядюшки, мне везло. Казалось, все, к чему я прикасался, превращалось в золото, и на сегодняшний день я располагаю примерно четырьмя миллионами фунтов.

Лорд Вернем с трудом удержался от изумленного возгласа. Он даже не представлял, что у этого человека может быть такое состояние. Теперь понятно, что для него дядин долг был все лишь незначительной суммой.

— Вы понимаете, — сказал Теобальд Мур, — что для своей дочери Хариты — моего единственного ребенка — я хочу самого лучшего.

— И вы думали, что мой кузен Жервез может ей это дать?

Ему не следовало этого говорить, но слова сами сорвались с губ.

— Ваш кузен должен был в один прекрасный день стать лордом Вернемом и унаследовать аббатство. Меня интересовало именно это, — ответил мистер Мур. — И кроме того, я полагал — хотя, возможно, я был в этом слишком оптимистичен — что после женитьбы на Харите сумею заставить его вести себя как следует, по крайней мере в некоторых вопросах.

Лорд Вернем упрямо выпятил подбородок.

— Что вы намеревались предпринять по отношению к моему кузену, меня не касается, — сказал он. — Но думаю, что я должен сразу внести некоторую ясность. Я не потерплю никакого вмешательства в мою личную жизнь, как бы я ни был обязан вам за свой дом и имущество.

По лицу мистера Мура промелькнула легкая усмешка.

— Я не глуп, милорд, и прекрасно понимаю, что вы совсем не похожи на своего кузена. Могу сразу вас успокоить: повидавшись с вами и послушав, что о вас говорит ваш дядя, я вполне уверен — как только аббатство и все поместье будут приведены в порядок, вам больше не понадобится ничья помощь.

— Благодарю вас.

Они помолчали. Потом мистер Мур подошел к столу, на котором лежало несколько свернутых в трубку пергаментов.

— Я собирался предложить вместе просмотреть эти документы, но теперь думаю, что вы бы предпочли прочитать их в одиночестве. Все возражения, поправки и изменения, какие сочтете необходимыми, вы сможете обсудить с моими поверенными. Я пришлю их к вам завтра.

— Благодарю вас, — повторил лорд Вернем. — А теперь, прежде чем мы продолжим, я бы хотел увидеться с вашей дочерью.

Он не был уверен, но ему показалось, что мистер Мур удивился, однако, не говоря ни слова, взял со стола маленький золотой колокольчик и позвонил.

Дверь в гостиную тут же отворилась.

— Попросите мисс Хариту немедленно прийти сюда! — последовал приказ.

— Да, сэр.

Когда дверь закрылась, мистер Мур сказал:

— Харита очень молода и, должен предупредить, не имеет представления о тех переговорах, которые я вел с вашим дядей.

— Она не возражала против брака с моим кузеном? — поинтересовался лорд Вернем.

— Харита делает то, что я скажу, — ответил мистер Мур. — Она однажды виделась с ним, и я сообщил, что, как только будут закончены некоторые формальности, об их помолвке будет объявлено официально. Узнав о его смерти, она, естественно, не слишком сильно горевала.

— Она видела его всего раз? — переспросил лорд Вернем. — Надеюсь, у меня будет возможность поближе познакомиться с мисс Мур до свадьбы.

— Я считаю это совершенно излишним!

Слова прозвучали резко, и лорд Вернем с изумлением взглянул на хозяина дома.

— Это может показаться вам необычным, — сказал мистер Мур, — но я считаю долгие помолвки и всякие «ухаживания» молодых людей излишними и даже нежелательными. И к тому же, позвольте вам заметить, милорд, чем скорее вы женитесь, тем скорее начнете восстановление аббатства.

Слова эти были сказаны очень добродушно, но лорд Вернем ясно почувствовал скрывающуюся за ними угрозу. Ему ясно дали понять, что ничего не будет сделано для того, чтобы привести в порядок аббатство, фермы или землю до тех пор, пока Харита Мур не станет леди Вернем.

Под улыбающейся маской скрывалась железная воля и решительность, которую ничто не могло поколебать.

В этот момент лорду Вернему неудержимо захотелось встать и послать мистера Мура к черту. То, что ему не доверяет подобный человек, было худшим из оскорблений. Но он ничего не мог сделать, и, поскольку всю жизнь старался сдерживать свои чувства, сумел невозмутимо произнести:

— То есть вы предлагаете, чтобы мы поженились немедленно?

— А почему бы и нет?

— Эта свадьба будет выглядеть несколько поспешной.

— Вы забываете, что очень долго добирались до Англии, за это время и аббатство, и земли пришли в еще больший упадок, лишенные хозяйского присмотра.

— Да, разумеется.

— Я предлагаю вам пожениться в ближайшие дни, — продолжал мистер Мур, — потом вы отправитесь в свадебное путешествие, а я найму армию рабочих, чтобы до вашего возвращения навести в доме хоть какой-то порядок.

— Я не могу с этим согласиться, — ответил лорд Вернем. — Даже если мы действительно поженемся в ближайшие дни, я все равно никак не смогу уехать отсюда так скоро, как вы

предлагаете.

Он видел, что мистер Мур удивлен его ответом и пытается понять его.

— Одна из причин, по которой я не могу уехать, — мои животные.

Мистер Мур вопросительно поднял брови.

— Возможно, вас это удивит, но я привез с собой, если можно так выразиться, небольшой зверинец, и никому не могу доверить уход за животными, тем более что они оказались в незнакомой стране и непривычном климате.

— Вы собираетесь держать зверей в аббатстве?

— Да, собираюсь, — твердо заявил лорд Вернем. — Я мечтал об этом с детства, и еще до того, как уехал, был поражен зверинцем, в котором герцог Кумберленд держал самых разных диких животных.

— Я, помнится, слышал о боях, которые там проводятся, — пробормотал мистер Мур. — Кажется, однажды его светлость устроил схватку между тигром и оленем.

— Отвратительное, варварское зрелище! — воскликнул лорд Вернем. — Однако животные содержались там лучше, чем в королевском зверинце на Стренде.

— Я был там совсем недавно с одним из моих друзей, чтобы посмотреть на белого тигра, — сказал мистер Мур. — Не могу признать, что очень люблю диких животных, но мой друг был в восторге от них.

— Я тоже.

— Ну что ж, у каждого свое увлечение, — заметил мистер Мур, — и, разумеется, я понимаю и уважаю ваше желание оставаться в аббатстве, пока там идут работы, но это вряд ли будет удобно.

— За последние годы я привык ко многим неудобствам, — улыбнулся лорд Вернем.

Мистер Мур хотел что-то возразить, но тут дверь отворилась и в комнату вошла девушка. Пока они разговаривали, лорд Вернем встал, чтобы поставить свой бокал на серебряный поднос с графином. Поэтому когда девушка вошла, он стоял спиной к двери и, только услышав восклицание Теобальда Мура: «Харита!», обернулся и посмотрел на свою будущую жену.

Он лишь заметил, что она очень тоненькая, а в светлых волосах поблескивает рыжина. Кроме того, она была дорого и модно одета, но так низко наклонила голову, что он не мог разглядеть ее лица.

— Это Харита, милорд, — объяснил мистер Мур очевидное и повернулся к дочери. — А это, Харита, твой будущий муж!

Лорд Вернем поклонился, а Харита, стоя у самых дверей гостиной, опустила в глубоком реверансе. Он ожидал, что девушка поднимет голову и посмотрит на него, но она по-прежнему держала ее опущенной так низко, что он видел лишь очень белую кожу и овальный лоб.

— Это все, можешь идти, — жестко произнес мистер Мур, и лорд Вернем удивленно посмотрел на него, полагая, что ослушался. Но за Харитой уже тихо закрылась дверь.

Глаза мужчин встретились.

— Я бы хотел поговорить с вашей дочерью.

— В этом нет необходимости, — ответил мистер Мур. — Вы же знакомы с Востоком, милорд, и наверняка привыкли к тому, что браки устраиваются родителями жениха и невесты, а иногда и астрологами.

— Мы же в Англии.

— Я уже сказал, что считаю любые встречи Хариты с ее будущим мужем совершенно излишними.

— А если я скажу, что они необходимы?

— Харита находится под моим контролем до того момента, как станет вашей женой, милорд.

Снова в любезных словах зазвенела сталь.

Лорд Вернем хотел было возразить, но потом решил, что разумнее капитулировать.

Если он все равно вынужден жениться на этой девушке, какая разница, знает он ее или нет? Нравится она ему или нет? Как сказал епископ, аббатство стоит женитьбы. Нет смысла спорить с будущим тестем, который так или иначе не изменит своего решения, и им придется пожениться с совершенно ненужной поспешностью.

Если уж это необходимо сделать, подумал лорд Вернем, так чем раньше, тем лучше.

— Какой день вы предлагаете для совершения брачной церемонии? — резко спросил он.

— Дайте подумать... — сказал мистер Мур, — сегодня суббота. Пожалуй, документы будут подписаны, и свадьбу можно назначить на вторник.

Лорд Вернем был поражен, но твердо решил не показывать своих чувств.

— Я уверен; что для этого вам потребуется приложить немало усилий, — заметил он с нотой сарказма.

— Наоборот, — возразил мистер Мур, — все уже готово, осталось только назначить день. Так что буду рад видеть вас, милорд, в два часа у нашей приходской церкви. Конечно, если вы и мои поверенные одобрите те документы, которые вы сейчас заберете с собой.

Лорд Вернем с трудом сдерживался. Он снова подумал, что еще никогда в жизни ни к кому не испытывал такой неприязни, как к своему будущему тестю.

Наверху, в прекрасно обставленной классной комнате, которая прежде была детской, стояла Харита. Ее сотрясала дрожь. Она бросилась прочь из гостиной, словно за ней гнались дикие звери. Харита с такой силой захлопнула за собой дверь, что шившая возле камина гувернантка удивленно подняла голову.

— Что случилось, моя дорогая? — ласково спросила она. — И зачем ты понадобилась отцу?

Несколько секунд Харита была не в состоянии даже ответить. Потом странным голосом, так,

словно у нее стучали зубы, ответила:

— Л-лорд... В-вернем был т-тут... тот ч-человек, за которого я должна выйти з-замуж!

Мисс Доусон, гувернантка, глубоко вздохнула.

— Значит, он наконец вернулся домой. Я так и подумала, когда вчера сюда приехал епископ.

— Он очень высокий и б-большой, — сказала Харита, — н-насто-ящее ч-чудовище.

— Ну-ну, Харита, не надо себя пугать. Я уверена, что он очень приятный человек. Я слышала, о нем очень хорошо отзываются.

Харита не ответила, она просто подошла к окну и скорчилась на диванчике, невидящими глазами глядя в сад. Она думала о том, каким пугающе большим выглядит лорд Вернем, и знала, что боится его так же, как боялась Жервеза Верна, за которого отец велел ей выйти замуж.

— Я не могу этого сделать, не могу! — прошептала она.

— Что ты сказала, дитя мое? — спросила мисс Доусон.

Харита не ответила. Она лихорадочно обдумывала план, который зрел в ее мозгу с того момента, как она узнала, что Жервез мертв, а за его кузеном послали в какие-то странные земли на другом краю света.

Нет, обо всем этом она узнала не от отца. Он никогда ей ничего не рассказывал, только отдавал приказы, которые она немедленно исполняла, потому что хорошо знала, чем грозит непослушание.

Но слуги говорили между собой, и так как большинство знали ее с детства, то часто бывали откровенны в ее присутствии. Она многое узнала о Жервезе Берне, не только из разговора экономки с мисс Доусон или постоянных перешептываний горничных, но и от Эммы. Это была ее молоденькая камеристка, румяная, круглощекая девушка из деревушки Литл Кингсклер. По предложению мисс Доусон Эмма из горничных была назначена ухаживать за Харитой.

Харита знала, это случилось потому, что ее гувернантка, которая искренне любила свою воспитанницу и заботилась о ее благополучии, считала ненормальным, что она полностью лишена общества сверстниц.

— Я предлагала твоему отцу, чтобы ты училась вместе с соседскими девочками, — нередко говорила она Харите. — Вы могли бы ходить друг к другу в гости, зимой устраивать танцы, а летом играть на лужайке.

— Папа ничего мне не позволяет, кроме как готовиться к тому положению, которое я должна буду занять, когда стану титулованной особой, — ответила Харита.

— Я знаю, дитя мое, — вздохнула мисс Доусон, — и хотя я умоляла его быть помягче, он и слушать не хочет.

Харита часто думала, что если бы не мисс Доусон, она не выдержала бы такой жизни после смерти матери. Она любила свою нежную, чуткую мать с обожанием ребенка, которому больше не на кого излить свои чувства.

Миссис Мур никогда не отличалась крепким здоровьем. Как позже узнал лорд Вернем, она принадлежала к аристократическому семейству с севера и была одной из пяти дочерей. Хотя ее отец не был в восторге от Теобальда Мура, он дал свое согласие на брак из-за его богатства.

Еще совсем маленькой, Харита поняла, что мать боится ее отца, хотя он всегда был любезен и внимателен к ней. Но будучи подолгу предоставлена самой себе, Харита научилась чувствовать глубже, чем обычно девочки ее возраста, и она понимала, что ее родители не испытывали особой привязанности друг к другу.

Отец часто подолгу отсутствовал, уезжал на юг по делам или посещал города, где у него были предприятия, и ей всегда казалось, что с его отъездом в доме светлее и веселее. Мама начинала смеяться и становилась совсем другим человеком, чем при отце.

Вдруг, совершенно неожиданно, мама умерла, и Харите показалось, что свет вокруг нее померк.

После этого отец с какой-то фанатичностью занялся ее образованием, собственноручно планируя каждую секунду. Ее обучала не только мисс Доусон, которая вскоре отошла на задний план; со всех концов графства экипажи, запряженные быстрыми лошадьми, доставляли учителей по самым разным предметам. Харите казалось, что дисциплины, в которых она должна преуспеть, никогда не кончатся. Она начала понимать, что точно так же, как ее отец требует совершенства вокруг себя, он требует его и от своего единственного ребенка.

— Если бы ты была мальчиком, — сказал он как-то раз Харите, — я бы взял тебя в свое дело и научил тому, в чем преуспел сам. Но ты девочка и должна сверкать в другой области.

— В какой же, папа? — невинно спросила она.

— Ты станешь светской дамой, — твердо заявил отец. — Выйдешь замуж за представителя одного из самых старинных и знатных родов в нашей стране. У тебя будет титул, который все будут уважать.

— Но как это может быть? — недоумевала Харита.

Отец улыбнулся и произнес, словно про себя:

— У тебя будет такое состояние, моя дорогая, от которого очень немногие мужчины смогут отказаться.

Только хорошенько обдумав его слова, Харита поняла их смысл. Она будет продана, как товар, мужчине, которому понадобятся ее деньги, точно так же, как ее отцу титул. Ей было нетрудно сообразить, что жених, которого выбрал отец, живет рядом с ними. С самого детства она слышала рассказы отца о великолепном Аббатстве Вернем, о древности его происхождения, о самих Вернах, упоминавшихся в книгах по истории, которые она читала с одним из своих учителей.

— Твой отец очень честолюбив, дитя мое, — сказала ей однажды мать. — Он всегда хочет того, что невозможно, и стремится получить недостижимое.

Но Аббатство Вернем не было недостижимым, как узнала Харита от Эммы.

— Его милость сегодня был тут, — сообщала Эмма, причесывая Хариту.

— Лорд Вернем?

— Да. Приехал из Лондона, вчера вечером. Это мой брат сказал. Посмотрел аббатство и утром сразу же сюда. — Она понизила голос и оглянулась. — Слуги спорят, что еще до конца недели в пещере Аладдина окажутся еще несколько картин.

Пещера Аладдина — так слуги называли огромное помещение, где хранились вещи из аббатства. Раза два, когда отца не было дома, Харита уговорила дворецкого, у которого был ключ, позволить ей взглянуть на сокровища. Старик обожал Хариту с тех времен, когда она ковыляла к нему на нетвердых ножках, привлеченная блестящими пуговицами на ливрее.

— Только одним глазком, мисс Харита, — говорил он, — ох, будут у меня из-за вас неприятности.

— Ты же знаешь, я ни за что не расскажу отцу. А что здесь нового, Груми?

Она придумала старому слуге это прозвище, которым он очень гордился.

— Кое-что из серебра, мисс Харита, и картина — богини и купидоны. Очень красивая, но будет еще лучше, когда ее почистят.

— Дай мне посмотреть! Ну, пожалуйста! — упрашивала Харита.

Груми было трудно отказать ей, и он показывал картины, серебро и иногда, когда бывал в хорошем расположении духа, даже разрешал брать в руки золотые табакерки, украшенные эмалью и бриллиантами. Иногда он открывал шкафы, где хранились изящные статуэтки дрезденского фарфора, которые нравились Харите больше всего.

Только узнав, что должна выйти замуж за Жервеза Верна, Харита перестала бывать в пещере Аладдина и поняла, что такое настоящий страх. Она всегда боялась отца, но это было совсем другое.

Это Эмма рассказала ей, как Жервез ведет себя с деревенскими девушками, и сначала Харита даже не поняла, что она имеет в виду.

— Вчера Бетси покончила с собой, мисс. Она была мне родня, — сказала Эмма.

Ее глаза были красны от слез.

— Почему же она сделала такую ужасную вещь? — спросила Харита.

Несколько мгновений Эмма была не в состоянии ответить.

— Скажи мне... ну, пожалуйста, скажи, — попросила Харита.

— Это все мистер Жервез Берн, это ужасно гадкий человек! Просто не давал Бетси проходу, хотя она и старалась держаться от него подальше.

— А почему он не давал ей проходу?

— Она ему понравилась, мисс Харита, и мы ей все говорили, предупреждали, что ему только одно и надо, только без толку.

Харита никак не могла понять, что же случилось. Она никогда не видела Жервеза Берна, но

знала от отца, какое это важное семейство, и ей казалось странным, что он искал общества деревенской девушки.

— Когда он был здесь, то каждую ночь заставлял ее встречаться с ним в парке, — продолжала Эмма, смахивая катящиеся по щекам слезы. — Ее мать и отец пытались положить этому конец, но они же живут в доме, принадлежащем его милости, и боялись, что он может выгнать их вон.

— Ты хочешь сказать, что Бетси была влюблена в мистера Жервеза? — спросила Харита.

— Если это можно назвать любовью. Вообще-то для этого есть другое название. Он просто мерзкий тип, а Бетси не исполнилось еще и семнадцати, да еще и дурочка, хоть и самая хорошенькая девушка в деревне. А вот теперь она убила себя!

— Но как? И почему?

— Бросилась в водоворот, мисс. Сегодня утром ее вытащили.

Водоворот! Харита хорошо знала это место, вниз по течению реки, где монахи расширили ее и превратили в озеро. Там был небольшой водопад, а под ним всегда крутилась вода.

Каждый деревенский ребенок знал, что от этого места надо держаться подальше, попавший в водоворот не имел ни малейшего шанса выбраться из него.

— Но почему же она убила себя? — настаивала Харита.

Эмма бросила взгляд через плечо, чтобы убедиться, что ее никто не подслушивает, потом прошептала:

— Она ждала ребенка, мисс Харита! Ребенка мистера Жервеза! Говорят, он не пожелал его признать и отказался хоть чем-нибудь помочь Бетси.

Неудивительно, что, услышав эту и многие другие истории о поведении Жервеза Берна, Харита пришла в ужас, когда отец сообщил, что она должна выйти за него замуж.

— Нет-нет, папа! Только не Жервез Верн! — отчаянно запротестовала она. — Я не могу выйти за него замуж! Он злой и гадкий!

— Откуда ты знаешь? Кто тебе все это рассказал?

Вопрос прозвучал резко, как выстрел, и Харита поняла, что должна защитить Эмму, иначе ее выгонят.

— Я слышала... как люди говорили о нем... когда я была в деревне, — ответила она.

— Что ты делала в деревне?

— Что-то покупала в лавке.

— Не могу представить, что можно купить в Литл Кингсклер, — холодно произнес мистер Мур.

— На будущее, делай покупки где-нибудь в другом месте.

— Это не имеет значения, в какие магазины я буду ходить, но я вовсе не хочу выходить замуж за Жервеза Берна.

— Ты выйдешь замуж за того, за кого я велю, — ответил отец. — Когда его отец умрет, он станет лордом Верном. Ты будешь жить в аббатстве, а я — гордиться этим! Слышишь, Харита? Гордиться тем, что моя дочь хозяйка одного из самых знаменитых домов в Англии.

Харита подумала, что самый прекрасный дом вряд ли может быть достаточной компенсацией за злого и жестокого мужа, но, пока она пыталась подыскать нужные слова, отец сердито бросил:

— Я больше не желаю слышать этот вздор. Ты не в состоянии самостоятельно выбрать себе мужа. Выйдешь замуж за того, за кого я прикажу, и больше никаких споров!

Харита хотела было протестовать, но не посмела. Вместо этого она ответила с обычной покорностью:

— Да... папа.

Потом убежала наверх и с ужасом рассказала о случившемся.

— Я должна... выйти замуж за Жервеза Верна! Эмма... что же мне делать?

Эмма была расстроена еще больше Хариты, она ведь понимала, что это именно ее излишняя откровенность еще больше осложнила ситуацию для ее юной госпожи. Слишком поздно она поняла, что напрасно считала мисс Хариту слишком молодой для замужества, да еще с человеком, которого презирала и ненавидела вся деревня.

— Я уверена, он хорошо будет с вами обращаться, мисс, — пыталась она утешить Хариту. — Вы же леди. Может, он так ведет себя только с простыми девушками.

— Но... Бетси... — выдавила Харита, — и маленькая Мэри...

Она едва смогла произнести последние слова, и хотя обе девушки понимали, о чем идет речь, говорить об этом они не могли.

Когда стало известно, что Жервез Верн мертв, Эмма откровенно обрадовалась.

— Лучше новости я и не могла принести вам, мисс, — закричала она, врываясь в спальню Хариты.

— Что такое? — сонно спросила Харита.

— Мистер Жервез Верн, мисс. Он мертв!

— Мертв? — воскликнула Харита. — Как это может быть?

— Несчастный случай, мисс, и его милость тоже убился. Теперь-то вы уж точно не выйдете за Жервеза Верна замуж!

— О, Эмма... это правда? Это действительно так?

— Внизу все об этом только и говорят, мисс. И хозяину тоже сказали.

Поэтому, когда отец послал за ней, Харита была уже готова.

— К моему глубокому сожалению, должен сообщить, что твой жених, Жервез Верн, погиб, стал

жертвой несчастного случая.

— Это, должно быть, трагедия для его семьи, — сдержанно отозвалась Харита.

— Его отец тоже погиб.

Харита не могла быть уверена, но у нее создалось впечатление, что отец не слишком огорчен смертью своего так называемого друга.

После нескольких секунд молчания она нерешительно спросила:

— А кто... будет жить в аббатстве теперь... папа?

— Я не вполне уверен, — ответил отец, — но непременно это выясню.

Больше он с ней на эту тему не говорил.

По через несколько месяцев Эмма узнала, что новый лорд Вернем находится где-то в Африке и ему послано письмо, что он унаследовал титул.

— Как ты думаешь, он уже женат? — спросила Харита.

— Никто не знает, мисс. Про мистера Альварика уже не слышали много лет, с тех самых пор, как он уехал в чужие страны.

— Почему же он уехал?

— Его отец был убит при Ватерлоо, и еще я слышала, хотя я тогда была совсем девчонкой, что мистер Альварик всегда не ладил с мистером Жервезом. Еще мальчишками они всегда дрались.

Харита подумала, что может его понять. В то же время мысль о том, что теперь есть новый лорд Вернем, начала отравлять чувство свободы, которую она ощутила после смерти Жервеза Верна. Она чувствовала, что отец с нетерпением ожидает прибытия нового владельца аббатства.

Какие-то люди постоянно входили в пещеру Аладдина и выходили оттуда. Она знала, что в конторе отца составляются какие-то новые планы и для этого наняты еще два клерка.

Однажды она вошла в кабинет отца за какой-то вещью и на столе увидела план, на котором было написано: «Поместье Вернем».

Только тогда у нее начало появляться ощущение, что ее ожидает что-то неизвестное и пугающее. Оно надвигалось все ближе, и Харита была не в состоянии предотвратить это.

Теперь она сидела у окна в гостиной и думала, что это наконец случилось. Хотя она так и не подняла глаз, но отчетливо рассмотрела высокую, широкоплечую фигуру лорда Вернема, его руку, протянутую к подносу с напитками. Он был выше ее отца и казался огромным, темным и зловещим.

Она бросила на него один лишь взгляд, когда вошла в гостиную, и больше уже не поднимала головы.

Но этого вполне достаточно, думала Харита, достаточно, чтобы понять: этот человек — еще

один Верн и она лучше умрет, чем выйдет за него замуж.

— О чем ты думаешь, дитя мое? — спросила мисс Доусон. — Иди, поговори со мной. Ты же знаешь, после разговора тебе станет легче.

Они делали это с тех самых пор, как мисс Доусон стала ее гувернанткой, но сейчас было не время откровенничать, потому что это могло бы повредить той, которую она любила больше всего. Ее мысли должны остаться тайной, и никто, ни при каких обстоятельствах не должен о них догадываться. С усилием Харита встала и подошла к гувернантке.

— Вы же знаете, что я не хочу выходить замуж, — сказала она, — и больше всего потому, что не могу расстаться с вами, Доуси. Вы были так добры ко мне после смерти мамы.

Она опустила на колени возле кресла мисс Доусон и прижалась головой к ее груди.

— Я тоже не хочу расставаться с тобой, моя дорогая, — сказала мисс Доусон, откладывая рукоделье и обнимая Хариту.

— Кто знает, может через год-другой я смогу вернуться к тебе.

— Как это может быть?

— Когда у тебя будут свои дети, ты захочешь, чтобы они тоже учились и стали такими же умными, как ты. И я смогу учить их, как учила тебя.

Харита еще теснее прижалась к мисс Доусон.

Голос внутри нее все время повторял:

— Дети от этого человека? Никогда! Никогда! Никогда!

Глава 3

Харита встала еще затемно и тихо ходила по спальне. Она так и не смогла уснуть и лежала, прислушиваясь к тишине в доме, но даже эта тишина казалась ей зловещей и угрожающей, вызывала дрожь.

Она знала, что мисс Доусон сейчас крепко спит у себя в комнате, а горничные еще не поднимались. Даже лошади еще заперты в конюшнях. Ночью она пыталась придумать, как бы уехать из дому верхом, но понимала, что это невозможно — она не сможет оседлать лошадь и вывести ее так, чтобы не разбудить одного из конюхов, которые спали в комнатах над конюшнями.

Поэтому она решила идти пешком и, хотя понятия не имела, куда именно, была уверена, что найдет деревушку или небольшой городок, где сможет жить никем не узнанной. Харита довольно смутно представляла себе все это, о ней всю жизнь заботились, выполняли все желания, и она даже понятия не имела, что такое жить самостоятельно.

Прежде всего ей нужны были деньги. Это было самое сложное, потому что, когда она ходила в магазины, за все платила мисс Доусон. Харита посмотрела в кошелек и обнаружила там несколько полусоверенов — воскресные пожертвования на церковь. Ясно, что этого хватит ненадолго, но у нее было довольно много драгоценностей. Конечно, ее собственные были по большей части детскими безделушками, золотыми браслетами и брошками, украшенными

жемчугом и полудрагоценными камнями, но у нее в шкатулке лежали две броши и браслет, принадлежащие ее матери.

Драгоценности миссис Мур, среди которых были поистине великолепные вещи, хранились в сейфе и для Хариты были недостижимы. Но она была уверена, что и броши матери принесут ей немалую сумму. Ее отец покупал жене только самое лучшее, и, хотя Харита плохо разбиралась в драгоценных камнях, она понимала, что голубоватые бриллианты и большие камни в центре каждой броши стоили немало. На браслете, который она достала из бархатного футляра, тоже ярко сверкали бриллианты. Она завязала все украшения в носовые платки и сложила их на небольшую белую шаль, в которую собиралась завернуть все свои пожитки. Она прекрасно понимала, что с тяжелой ношей ей далеко не уйти. Поэтому к драгоценностям добавила только ночную рубашку, смену белья, расческу и зубную щетку. Она понимала, что даже такая ноша может оказаться тяжелой, если ей придется идти далеко. Потом она нашла в шкафу самое простое, темное платье. Было начало лета, и все ее зимние вещи Эмма взяла вычистить, выгладить и убрать до конца сентября. Но в шкафу нашлось одно, из темно-синего шелка, которое она надевала в прохладные вечера.

Харита не привыкла одеваться самостоятельно, она с трудом застегнула пуговицы на спине. Потом решила, что нужно взять еще и плащ, на случай, если пойдет дождь. У нее был плащ под цвет платья, но шляпка, которую она обычно надевала с ним, была отделана небольшими страусиными перьями, и она понимала, что это никак не подходит для молодой девушки, путешествующей в одиночестве. Поэтому она набросила на голову легкий шарф, надеясь, что так будет привлекать меньше внимания.

Когда она оделась, рассвет еще не наступил, хотя небо уже посветлело. Выглянув в окно, она смогла различить статуи и вазы на фоне кустов. Харита решила, что пора уходить, взяла в руки свой узелок и в последний раз окинула взглядом комнату, чувствуя, что оставляет позади свое детство и множество счастливых воспоминаний о матери.

Потом она подумала, что через несколько дней ей все равно пришлось бы уехать отсюда, чтобы выйти замуж за то огромное чудовище, которое она видела в гостиной. Эта мысль заставила ее поспешно открыть дверь и на цыпочках двинуться по коридору.

Через три часа, когда солнце стало припекать, Харита сняла плащ и перебросила его через руку. Ей казалось, что она уже далеко ушла от Кингсклера, но на самом деле она устала не столько от того, что преодолела большое расстояние, сколько от того, что шла через поля. Она рассудила, что, узнав о ее побеге, отец отправится за ней в погоню в экипаже, а это значит, что он поедет по дороге. Она собирается спрятаться, стало быть, гораздо безопаснее идти тропинками через поля.

Вскоре она оставила позади окружавший ее дом парк, обошла стороной деревню, чтобы ее не увидел случайный прохожий и, пройдя через луг, подошла к засеянному полю. Ей пришлось огибать его, и, хотя она старалась идти как можно быстрее, это было трудно. К сожалению, она не нашла в шкафу крепких зимних ботинок, только легкие летние туфельки из тонкой лайковой кожи. В них было больно ступать по камням, веткам, неровной земле, и несколько раз ей пришлось садиться, чтобы вытряхнуть из туфель землю и камешки.

Она начала чувствовать голод и подумала, что напрасно не захватила с собой поесть или не перекусила чего-нибудь на кухне.

Вчера вечером она была слишком взволнована и почти не ела за ужином, но теперь, прошагав

несколько миль, начала ощущать пустоту в желудке.

Хорошо бы купить булочку в деревенской лавке, подумала Харита и вспомнила, что где-то слышала: путешественники могут получить хлеб и сыр на постоялом дворе. Но она посчитала, что находится все еще слишком близко от Кингсклера. Даже в самом простом из своих платьев она несомненно привлечет интерес местных жителей в любой деревушке, а потом, когда ее будут разыскивать, они расскажут, что видели ее. Поэтому Харита поспешила дальше. Узел, как она и предполагала, все больше и больше оттягивал ей руки, даже нести плащ и то было тяжело. Она развязала и сняла шифоновый шарф — в это время года солнце еще недостаточно жаркое, чтобы получить солнечный удар, об опасности которого ее нередко предупреждала мисс Доусон.

Она прошла через небольшую рощу, тенистую и прохладную. Но от недавних дождей узкая, извивающаяся тропинка стала мокрой и грязной, и туфельки Хариты скользили.

Потом она снова шла через поля, пока вдалеке не увидела шпиль церкви и крыши домов. Ей показалось, что она знает название этой деревни и, значит, правильно идет на север, как и хотела. Но было слишком опасно, что ее могут увидеть, поэтому Харита сделала большой круг в обход этой деревни.

Бремя от времени она видела вдали работающих в полях людей, но старалась остаться незамеченной. Она все шла и шла вперед, солнце становилось все жарче, и теперь она страдала не только от голода, но и от жажды.

«Рано или поздно мне все равно придется остановиться», — подумала Харита.

Она перешла дорогу и через каменные ступеньки перебралась в поле, в дальнем конце которого паслось небольшое стадо овец. Харита пошла через поле, туда, где виднелись деревья.

«Когда я туда дойду, — сказала она себе, — сяду и отдохну в тени, а потом буду идти до тех пор, пока не найду где поесть».

Она была на полпути, когда заметила едущий по дороге экипаж. Сердце девушки дрогнуло от страха при мысли, что это может быть ее отец, но экипаж проехал мимо, и, когда она снова оглянулась, на дороге был лишь один всадник, который, похоже, смотрел в ее сторону. Харита сказала себе, что это всего лишь ее фантазия, и действительно когда она еще раз оглянулась, всадник уже развернулся и ехал обратно.

До рощицы оставалось совсем немного, и Харита в последнем усилии почти бежала к ней. Уже у самых деревьев она услышала за спиной стук лошадиных копыт и снова оглянулась.

Она узнала всадника, вскрикнула и, уронив плащ, бросилась к роще. Но она успела пробежать всего несколько шагов, прежде чем удар кнута обжег ее плечи. Харита закричала от ужаса и упала.

Подняв глаза на возвышавшегося над ней отца, по выражению его лица она поняла, что у него один из тех приступов ярости, которых она так боялась с самого детства. Но в таком бешенстве она его еще никогда не видела.

— Поднимайся!

Слова прозвучали как пистолетный выстрел, и, хотя ноги не повиновались ей, Харита все-таки

постаралась встать, оставив на земле свой узелок.

— Дай мне это!

Отец указал на узелок, и Харита покорно подняла и протянула его отцу, чувствуя, что не в силах не только сопротивляться, но даже думать.

Он развязал шаль и увидел ее содержимое. Положив деньги и украшения в карман, он презрительно швырнул на землю шаль вместе с завернутой в нее одеждой.

— Иди! — приказал мистер Мур.

Несколько мгновений Харита смотрела на отца, не в состоянии понять его слова.

Увидев, что она не двигается, он снова ударил ее кнутом. Харита закричала, как пойманный в западню зверек.

Потом Харита никогда не могла вспомнить это кошмарное возвращение домой. Отец заставил ее идти впереди себя и несколько раз, когда она останавливалась или падала, снова пускал в ход свой кнут.

Однажды, когда у нее не оставалось сил двигаться, она жалобно заплакала:

— Папа, я не могу! Я не могу больше идти!

— Ты дошла сюда, дойдешь и обратно! — мрачно ответил он и стегал ее до тех пор, пока она не поднялась.

Когда они наконец добрались до Кингсклера, она шла так медленно, что лошадь почти не двигалась.

Харита была в полном изнеможении, и дом слегка покачивался перед ней в дымке, словно какой-то мираж. С нечеловеческим усилием она добралась до ступенек у входа. Вскрабкавшись на них, она умоляюще протянула руки к стоявшему в холле Груми, но он лишь бросил один взгляд на хозяина и понял, что не осмелится помочь ей.

Теобальд Мур соскочил с лошади и вошел в холл следом за ней.

— Иди в мой кабинет!

Она даже не могла вспомнить, где это. Казалось, вокруг было темно и она шла в каком-то тумане. Она не могла больше думать, только чувствовала боль, причиненную ей отцом.

Лакей открыл ей дверь в кабинет, и она вошла, спотыкаясь. Дойдя до середины комнаты, Харита откинула со лба волосы, которые растрепались и упали ей на лицо. Она подумала, что надо подняться наверх и привести себя в порядок, но в этот момент услышала, как закрылась дверь кабинета, и медленно обернулась.

К ней приближался отец. Увидев его искаженное гневом лицо и длинный тонкий кнут, который он держал в руке, она закричала...

Лорд Вернем проснулся с ощущением, что сегодня должно случиться что-то неприятное. Потом он вспомнил, что сегодня день его свадьбы.

Как ни странно, он хорошо выспался, просто потому, что слишком устал накануне. Все последние четыре дня он был очень занят.

Рано утром, на следующий день после посещения Теобальда Мура, прибыли его поверенные с брачным контрактом, который они представили для его одобрения, и большим количеством планов по восстановлению аббатства и всего поместья.

Лорд Вернем молча сжал зубы, поняв, что все это готовилось уже давно и было тщательно продумано. Все было сделано очень толково и с поразительной щедростью, если учесть, кто за все это платит. Но все равно он не мог избавиться от чувства, что это невыносимо, когда какой-то незнакомец восстанавливает дом его предков, приводит в порядок фермы и землю.

Однако он ничего не мог сделать, только принять ситуацию такой, как она есть, и постараться сделать это с достоинством, чтобы никто не заметил его недовольства.

Что касается самого аббатства, он понимал, что все предлагаемые изменения очень хороши. Практически, Теобальд Мур предлагал восстановить аббатство в том виде, каким оно было при девятом лорде Вернеме, дедушке Альварика. Несомненно, он провел самые тщательные исследования.

Образцы тканей, которые он предлагал для занавесок в каждой комнате, были приколоты рядом с эскизом отделки самой комнаты и в большинстве случаев были точным повторением тех, что висели здесь раньше. Единственная разница — новые материалы были лучшего качества и поэтому гораздо дороже. Все было тщательно измерено и спланировано.

Изучая один план за другим и выслушивая объяснения составивших их людей, лорд Вернем все с большим трудом удерживался от того, чтобы не разорвать все эти бумаги на мелкие клочки и не крикнуть, что он лучше будет жить в таком доме, как есть, чем быть обязанным подобному благодетелю.

Но выработанный с годами самоконтроль помогал ему скрывать бушевавшую внутри бурю. Вместо этого, он возвратил планы без единой поправки или изменения и расстался с поверенными с той любезностью, которую они заслужили.

— Когда вы намерены начать? — поинтересовался он уже на пороге.

— С вашего разрешения, ваша милость, мистер Мур приказал, чтобы шестьдесят столяров, маляров, каменщиков и позолотчиков явились в аббатство в четверг, ровно в два часа.

Это было то самое время, когда он должен был прибыть в церковь для венчания.

— Они будут жить в палатках или на чердаке, — объяснил один из инженеров, — и работать с рассвета до темноты, пока все не будет закончено.

— Благодарю вас, — с усилием произнес лорд Вернем.

Они уехали, а он вернулся в холл и огляделся. Пусто, сырые, с потеками стены, разбитые стекла в высоких окнах и следы там, где когда-то висели шпалеры и картины.

Он глубоко вздохнул и постарался забыть обо всем, кроме того, что надо приготовиться к приему животных, которые должны были прибыть в день свадьбы.

Лорд Вернем договорился, чтобы южное крыло аббатства, то, где находились хозяйские

спальни, было оставлено напоследок. Здесь была огромная спальня его деда, а рядом столь же впечатляющая и, возможно, более привлекательная спальня бабушки.

Огромные кровати с балдахинами продать было невозможно, и поэтому они остались на тех местах, куда были поставлены несколько веков назад. Мебели здесь сохранилось немного, поскольку все ценные столы, комоды и кресла давно были проданы дядей Теобальду Муру.

В эти две спальни собрали всю оставшуюся в доме мебель, чтобы они не выглядели слишком пусто, но лорд Вернем был уверен, что все это мало напоминало ту роскошь, к которой привыкла его будущая жена. Он усмехнулся, подумав, что немного лишений только пойдет ей на пользу.

Потом он подумал, как бы она себя почувствовала в палатке посреди пустыни, или в соломенной хижине туземной деревни, или если ей пришлось бы провести ночь в джунглях, прямо под деревом.

При мысли о том, что Харита может оказаться похожей на своего отца, он сразу почувствовал к ней такую же неприязнь, как к мистеру Муру. Невозможно было составить о ней какое-то мнение по первой встрече — он видел лишь низко склоненную голову, белый лоб и тонкую фигурку.

Но он сказал себе, что, если она попытается командовать им или будет вести себя так же властно, как ее отец, он с самого начала даст ей понять, кто хозяин в аббатстве.

При одном предположении, что ему придется спорить с женщиной, которая будет возражать ему просто потому, что ей принадлежат деньги, которые он тратит, у лорда Вернема внутри все закипало. Он должен был заставить себя забыть ожидающие его трудности и сосредоточиться на том, чтобы обеспечить всем необходимым прибывающих животных.

Он поехал в деревню и обнаружил, как, впрочем, и ожидал, что многие слуги, работавшие еще у его деда, были либо уволены, либо ушли сами, потому что не получали никакой платы от его дяди. Они выразили горячее желание вернуться на службу, и, поскольку лорду Вернему хотелось иметь вокруг себя как можно больше знакомых лиц, он нанял даже тех, кто уже не мог принести много пользы.

Но у старшего садовника и его помощников сил оставалось еще вполне достаточно. Те, кто были помоложе, когда-то помогали егерям и лесникам и тоже горели желанием вернуться.

Нашлось немало желающих помочь ему построить ограду для его львов и гепардов. Пришлось подробно объяснить, что именно ему надо, и несколько рабочих отправились за материалом для ограды и гвоздями, но только в понедельник после полудня они смогли приступить к работе.

— И зачем только вы привезли с собой этих диких зверей, мастер Альварик? — спросил старик, которого звали Райман, в прошлом он был лесничим.

— Для меня они совсем не дикие, — ответил лорд Вернем. — Львы живут у меня с тех пор, как были совсем еще детенышами, они ласковые, как кошки. А гепарды обучены охотиться.

— Охотиться, мастер Альварик? Как это может быть?

Лорд Вернем улыбнулся:

— В Азии гепарды уже много веков приручены человеком.

Старик с интересом посмотрел на него, и лорд Вернем продолжал:

— Они бегают быстрее всех животных на земле, гепарды могут бегать в два раза быстрее, чем лошади на скачках!

На лицах всех присутствующих появилось изумленное выражение.

— Гепардов и леопардов английская знать использовала для охоты, и есть немало картин, изображающих гепардов на лошади, позади седла. — Лорд Вернем улыбнулся и добавил: — Исторические книги говорят, что такое случалось во времена Кублайхана, но думаю, следует потренировать и современную лошадь, чтобы она не пугалась, когда после охоты гепард запрыгнет ей на круп!

— Вот это точно! — отозвался старый Райман. — А на кого эти странные звери будут охотиться здесь?

— Зайцы и обычная дичь, но, конечно, дома их естественная добыча — олени и козы.

При этих словах лорд Вернем повернулся к той части парка, где жили несколько пятнистых оленей, остатки некогда большого стада.

У оленей родилось несколько маленьких, похожих на газелей оленят, которые ковыляли на тоненьких ножках.

— Я хочу, чтобы вы построили такую ограду, из-за которой гепарды не смогли бы выбраться, — сказал лорд Вернем. — Помните, они могут вскарабкаться на верхушку дерева или на высокий забор, поэтому надо сделать так, чтобы они не смогли через нее перелезть.

Он показал рабочим, как это сделать, потом наблюдал, как деревенские плотники мастерили удобный дом для львов, большой, с плоской крышей.

— Им нравится сидеть на крыше и смотреть по сторонам, — объяснил он. — Все дикие животные любят осматривать сверху окрестности.

Он понимал, что этих простых людей очень удивляют его заботы об удобствах для зверей. Вольеры были сделаны очень большими, чтобы животные не чувствовали себя стесненными, а когда лорд Вернем сбросил сюртук и стал вместе с рабочими вкапывать столбы, те с изумлением посмотрели на него. Только старики вроде Раймана тихонько посмеивались.

— Ваша милость не шибко изменился, — сказал один из них. — Мальчишкой вы были таким же, всегда готовы помочь и не боялись испачкать руки.

— Надеюсь, что всегда останусь таким, — улыбнулся лорд Вернем.

Когда позже он угощал их пивом и сидром в маленькой пивной, ничуть не изменившейся за последнюю сотню лет, они выпили за его здоровье.

Но сегодня он не мог заняться работой и мрачно подумал, как медленно будет тянуться день, пока не придет время отправляться в деревенскую церковь.

Он предполагал, раз свадьба готовилась в такой спешке, это будет очень тихая церемония, но по количеству писем, которые он получил за последние два дня, понял, что на ней будет

присутствовать почти все графство.

В письмах его поздравляли с возвращением, и он понял, скорее по недосказанному, чем по содержанию самих писем, что люди не удивляются тому, что он женится на дочери Теобальда Мура.

У лорда Вернема появилось ощущение, что им манипулируют, принуждают идти по выбранной для него другим дороге, хорошо протоптанной и умело подготовленной так, чтобы с нее было невозможно свернуть в сторону.

— Черт побери! В жизни так паршиво себя не чувствовал! — тихо произнес лорд Вернем.

Камердинер его отца, который по-прежнему жил в деревне, пришел помочь ему одеться. Холден уже приготовил свадебный наряд и несколько новых муслиновых галстуков, поспешно приобретенных в Сент-Олбенс.

Лорд Вернем с неприязнью взглянул на галстуки, натянул старую одежду и пошел вниз завтракать.

В маленькой столовой, которой он решил пользоваться, пока Баронский зал не будет приведен в порядок, стояли только стол, два стула и буфет. Стулья были разные, спинка одного из них сломана. Наверно, поэтому, подумал он, дядя и не продал его Теобальду Муру.

Льняная скатерть на столе была безукоризненно чистой, но заштопанной в нескольких местах. Чашки были от одного сервиза, тарелки от другого, а для ожидающей его яичницы с ветчиной явно не нашлось серебряного блюда.

Прислуживающий ему Холден извиняющимся тоном произнес:

— Боюсь, милорд, я не много могу предложить вашей милости, но, как я понял, сегодня в конюшни приведут лошадей, и завтра грумы смогут поехать и купить все, что нам надо.

Лорд Вернем промолчал. Он уже знал от своего будущего тестя, что в его распоряжении будет несколько лошадей из конюшен Кингсклера до тех пор, пока он не приобретет собственных.

Он мог бы получить кредит, но щепетильность не позволяла ему увеличивать существующие долги до тех пор, пока он не расплатился за деньги своей жены, вручив ей свой дворянский титул.

— Спасибо, Холден, мне больше ничего не надо, — коротко сказал он.

— У меня такое чувство, милорд, что животные, которых вы ожидаете, будут здесь с минуты на минуту.

Лорд Вернем резко выпрямился:

— Что вы хотите сказать?

— Молодой Билл, один из сыновей дровосека, заходил на кухню несколько минут назад и сообщил, что в деревне сопровождающие трех больших фургонов спрашивают дорогу к аббатству.

— Они прибыли, Холден! Это замечательно! — воскликнул лорд Вернем.

Он доел ветчину на тарелке, встал и быстро пошел к дверям. С крыльца он видел перекинутый через край озера каменный мост и аллею древних дубов, тянущуюся по парку до самой дороги. Несколько секунд лорд Вернем стоял и ждал, потом увидел, как по аллее четыре крепкие приземистые лошади медленно везут открытую телегу, на которой стояла одна из огромных клеток, где сидели его звери.

— Они едут, Холден! — воскликнул он, не в силах сдержать радостное волнение.

Но когда позже лорд Вернем сидел рядом со своей женой в столовой Кингсклера, на лице его было совсем другое выражение.

После церемонии венчания, когда битком набитая церковь казалась ему морем незнакомых лиц и любопытных глаз, он обнаружил среди присутствующих немало старых друзей, которых почти уже забыл за долгие годы, проведенные за границей.

Теперь, почти против воли, он был рад увидеть их снова. Они очень тепло вспоминали о его отце

и искренне радовались его возвращению.

— Как хорошо, что ты снова в аббатстве, — снова и снова повторяли его старые друзья до тех пор, пока лорд Вернем невольно сам не почувствовал тот энтузиазм, с которым ему энергично пожимали руку.

Во время свадебного завтрака, который, как и следовало ожидать, был поистине эпикурейской трапезой, его милость понял, что до сих пор не обменялся ни единым словом со своей молодой женой.

В церкви, когда она шла к алтарю, опираясь на руку отца, ее лицо было скрыто фатой, и она так же низко склонила голову, как и при их первой встрече. Он был немного удивлен, когда взял ее руку, чтобы надеть кольцо, и обнаружил, что она холодна как лед, несмотря на очень теплую погоду.

Самому ему было даже слишком жарко, потому что все утро он размещал зверей в приготовленные для них вольеры. Это заняло так много времени, что ему пришлось очень быстро переодеться, чтобы вовремя успеть в церковь.

К счастью, размышлял он, стоя на ступеньках алтаря, Холден не забыл своего умения завязывать галстук, и надо надеяться, что жених выглядит вполне аристократично.

В то же время он сознавал: от тяжелой работы за последние дни у него обломались ногти и кожа на руках загрубела так, что это привело бы в смущение большинство дворян.

Но его очень радовало, что гепарды хорошо перенесли путешествие и, похоже, пребывали в отличном состоянии. Даже его львица, Белла, недавно родившая львят, выглядела спокойной.

Все звери обрадовались, увидев его, и попугаев выпустили из тесных клеток в оранжерею, куда он натащил все кусты и папоротники, какие сумел найти, чтобы они чувствовали себя как дома. Эти занятия не давали ему предаваться мрачным мыслям о будущем.

Только повторяя за священником брачные обеты, лорд Вернем почувствовал, как в нем снова поднимается протест против того, что его заставляют поступать вопреки его воле.

Их венчал дядя Лоример, епископ Аксминстерский, и, словно догадавшись о чувствах племянника, когда они приехали в Кингсклер, он тихо, чтобы никто не слышал, сказал ему:

— Я горжусь тобой, Альварик, и знаю, что если бы был жив твой отец, он чувствовал бы то же самое.

В ответ на это было невозможно не улыбнуться, но трудно сохранить улыбку, когда Теобальд Мур предложил тост за жениха и невесту. Он произнес очень любезную, но в то же время хвастливую речь, от которой лорд Вернем почувствовал себя неловко.

Но это, однако, были лишь мелкие неприятности, и, зная, что этого от него ожидают, лорд Вернем заговорил с женой, но она отвечала односложно и ни разу не подняла на него глаза. Он представил, что теперь это ждет его на многие годы, и подумал, как непросто это будет выдержать. Потом решил, что она еще слишком молода и робка, и, может быть, когда они останутся вдвоем, им будет проще. Возможности поговорить у них, естественно, не было.

После венчания они почти два часа приветствовали гостей, потом три часа тянулся свадебный завтрак со множеством блюд и бесконечными тостами. И только к восьми часам настало время новобрачным отправляться из Кингсклер-Хаус в аббатство Вернем.

Между ними было всего две мили, но дорога шла через деревню, и лорд Вернем с удивлением обнаружил, что жители тоже праздновали их свадьбу. Там были не только праздничные арки и флаги над дорогой, все население Литл Кингсклер выстроилось вдоль их пути, и, как только они появились, над деревенским выгоном взлетел праздничный фейерверк.

Интересно, подумал лорд Вернем, за все это платили сами деревенские жители или же об этом тоже позаботился его тесть.

Он решил, что неразумно задавать такие вопросы, и, когда экипаж остановился, просто встал и произнес еще одну речь, выразив глубокую благодарность от своего имени и от имени жены.

Приветственные крики и добрые пожелания звучали очень искренне.

Их осыпали целым дождем риса и цветочных лепестков, и, когда они въехали в ворота аббатства, открытый экипаж, казалось, был наполнен добрыми пожеланиями. Как только они свернули на аллею, лорд Вернем увидел вдалеке огромное здание, все сверкающее огнями.

После возвращения он привык видеть свой дом по вечерам темным и безжизненным, но теперь каждое окно словно приветствовало их. Сначала он удивился, но потом понял, что, как и было обещано, в тот самый момент, когда он надел кольцо на палец Хариты и сделал ее своей женой, дом заполнили рабочие, уже приступившие к ремонту.

— Боюсь, нам покажется здесь довольно шумно, — сказал он. — Ваш отец уже приступил к выполнению своих планов по восстановлению аббатства. Я только надеюсь, что в южном крыле, где находятся наши спальни, достаточно хорошая звукоизоляция.

Она ничего не ответила, но на мгновение подняла голову и взглянула на дом, к которому они приближались. Харита была все еще одета в подвенечное платье, и хотя фата была уже откинута назад поверх огромной бриллиантовой тиары, она закрывала лицо с обеих сторон.

— Не знаю, бывали ли вы прежде в моем доме, — продолжал лорд Вернем, — но он — сама история, и я с удовольствием расскажу вам о своих предках, которые жили здесь.

Ему показалось, что она вздрогнула, хотя лорд Вернем и не был уверен в этом, но так ничего и не ответила. В этот момент лошади остановились перед парадным входом в аббатство. Теперь их встречал не только Холден, но и несколько высоких молодых лакеев в ливрее Вернов, которую, подумал лорд Вернем, его дядя, видимо, тоже продал Теобальду Муру.

Украшенные гербами пуговицы сами по себе представляли немалую ценность уже потому, что были сделаны еще в царствование Георга I, но он уже успел позабыть, как торжественно и нарядно выглядят слуги в напудренных париках и как блистательно великолепен костюм дворецкого.

Один из лакеев распахнул дверцы экипажа, и лорд Вернем вышел из него. Он протянул руку, чтобы помочь выйти Харите, и снова удивился тому, как холодны дрожавшие в его ладони пальчики. Впервые ему стало жаль девушку. Все это, подумал он, должно быть для нее тяжким испытанием.

— Добро пожаловать, милорд и миледи! — важно произнес дворецкий. — Все слуги просили меня от их имени пожелать вам счастья и долгой жизни.

— Благодарю вас, — ответил лорд Вернем, надеясь, что ему не придется в третий раз произносить речь.

В холле выстроилась длинная шеренга слуг, чтобы пожать руки ему и Харите, и он с облегчением увидел, что многие из них были те, которых нанял он сам. На какое-то мгновение он было испугался, что тесть заполнит аббатство своими слугами до такой степени, что для его людей места уже не останется.

Те слуги, которые помнили его еще по прошлым временам, не только поздравляли, но и вспоминали прошедшие дни, его отца, мать и собственные проделки лорда, когда он еще был мальчиком.

Все это заняло немало времени, и только когда была пожата рука последнего мальчишки-поваренка и все слуги разошлись по своим делам, дворецкий, который служил в доме лакеем еще при отце лорда Вернема, объявил:

— Вас ждет шампанское в столовой, милорд а шеф-повар готов приготовить все, что пожелаете вы или ее милость.

— Мы только что закончили есть, — ответил лорд Вернем, — но бокал шампанского, я думаю, будет совсем не лишним.

Он чувствовал, что за свадебной трапезой не только съел, но и выпил вполне достаточно, поскольку напитки Теобальда Мура, как и еда, были превосходными, но слуги, несомненно, будут разочарованы, если он откажется от угощения. Лорд Вернем взял Хариту за руку и повел в маленькую столовую.

Прикоснувшись к ней, он почувствовал, что она вздрогнула и сделала попытку отстраниться. Он удивился, но промолчал, а когда они вошли в столовую, подумал о том, заметила ли она отсутствие мебели.

На столе стояли два зажженных канделябра. Он сразу узнал их — канделябры принадлежали к знаменитой коллекции Вернов.

Почти механически лорд Вернем взял предложенный ему бокал шампанского и повернулся к

стоящей рядом Харите.

— Добро пожаловать в аббатство! — тихо произнес он. — Надеюсь, вы будете счастливы здесь.

— Б-благодарю... вас.

Он едва расслышал ее ответ, потом она сделала крошечный глоток и поставила бокал на стол. Лорду Вернему показалось, что при этом она слегка пошатнулась.

— Вы, наверное, устали, — сочувственно сказал он. — Может быть, еще рано ложиться спать, но мне кажется, вам лучше подняться в спальню. У нас обоих сегодня был трудный день.

Он подумал, что потом расскажет ей про своих зверей, но после его слов Харита послушно направилась к двери.

Дворецкий распахнул перед ней дверь, и, когда она шла через холл, лорд Вернем спросил:

— Кто-нибудь покажет миледи ее спальню?

— Там наверху миссис Уильямс, милорд.

— Тогда все в порядке.

Миссис Уильямс ухаживала еще за его матерью, и накануне он с радостью узнал, что она по-прежнему живет в деревне и скучает, потому что ей пришлось уйти на покой в шестьдесят лет.

— Позвольте мне вернуться, милорд, — попросила она. — Я знаю аббатство с детства, начала там работать, когда мне было двенадцать лет.

— Я буду очень рад, — ответил лорд Вернем, — и если возможно, с удовольствием возьму обратно всех, кто раньше имел какое-то отношение к дому и поместью.

— Это нетрудно, милорд, хотя горничные по большей части повыходили замуж и теперь нянчат собственных детей. Но, если позволите, милорд, я скоро обучу молодых.

— Именно этого я и хочу, миссис Уильямс, — ответил лорд Вернем.

Теперь он подумал, что миссис Уильямс именно тот человек, которого он выбрал бы ухаживать за своей женой и с которым она не чувствовала бы себя стесненно. Он никак не ожидал, что дочь Теобальда Мура может оказаться такой тихой и покорной.

Он посмотрел в окно, размышляя, что день, слава Богу, кончился, но, похоже, начинаются новые проблемы.

Заходящее солнце красиво освещало деревья парка, и лорд Вернем решил навестить своих животных, чтобы убедиться, что они удобно устроены и хорошо себя чувствуют на новом месте.

Он повернулся к дверям, но тут заметил на полу что-то блестящее. Это оказался большой бриллиант. Должно быть, он выпал из тиары Хариты или из какого-нибудь другого украшения. Он их особенно не рассматривал, но заметил, как его молодая жена сверкала при каждом движении, что при ее богатстве было вполне уместно.

Наверное, раздеваясь, она заметила пропажу бриллианта и волнуется, решил он. Надо бы успокоить ее, прежде чем идти к зверям.

Он поднялся по лестнице и прошел по длинному пустому коридору, ведущему из центра дома к южному крылу. Расстояние было довольно большим, и по дороге лорд Вернем размышлял, как изменится скоро дом, когда сюда вернутся картины и мебель, а на полу появятся новые ковры.

Он подошел к двери, отделявшей южное крыло от остальной части дома, открыл ее и попал в небольшой коридорчик, куда выходили две двери — его собственной спальни и спальни Хариты.

Он постучал в дверь жены, она тотчас открылась, и на пороге появилась миссис Уильяме.

— Ваша милость! — улыбнулась она, делая реверанс.

— Добрый вечер, миссис Уильямс. Я принес тут кое-что леди Вернем, должно быть, выпало из ее тиары или браслета. Я подумал, она, наверное, беспокоится.

Он разжал пальцы, и миссис Уильямс увидела у него на ладони большой сверкающий алмаз.

— Бриллиант, милорд!

— Вот именно.

— Я передам его ее милости, когда она поднимется к себе, — пообещала миссис Уильямс, забирая камень, — но я думала, она с вами, милорд.

— Со мной? — удивленно переспросил лорд Вернем.

— Да, милорд.

— Но вы же встретили ее на лестнице.

— Да, милорд. Я привела ее сюда. Ее милость сняла тиару и фату и отдала их мне. Потом, ничего не сказав, вышла из комнаты. Я решила, что она снова спустилась вниз... и еще я подумала, милорд...

Миссис Уильямс замолчала.

— Что вы подумали? — спросил лорд Вернем.

— Конечно, я могла и ошибиться, но я смотрела в окно, милорд, и мне показалось, что кто-то в белом прошел через луг к озеру. Я подумала, что вы с ее милостью решили прогуляться.

Мгновение лорд Вернем стоял неподвижно. Потом повернулся к миссис Уильямс:

— Я найду ее милость, миссис Уильямс, а вы идите спать, не надо нас ждать.

— Вы уверены, милорд?

— Вполне уверен.

Лорд Вернем вышел из коридорчика и закрыл за собой дверь. Он быстро шел по длинному коридору, а когда достиг главной лестницы, бросился бегом.

Глава 4

Лорд Вернем добрался до озера, так нигде и не встретив Хариты. Даже в наступающей темноте ее платье нельзя было бы не заметить, и он подумал, что миссис Уильямс, возможно, ошиблась и Харита где-нибудь в доме.

Но тут в дальнем конце озера он увидел что-то белое. Лорд Вернем с трудом побежал по заросшей тропинке. Вдруг он увидел лодку, в ней, скорчившись, сидела Харита, и ему показалось, что она закрывает лицо руками.

Только теперь он понял, что она собирается сделать. Лодку медленно, но неумолимо несло к водопаду в конце озера, где был водоворот.

Прежде чем броситься в воду, он быстро сбросил элегантный, плотно облегающий сюртук, в котором отправился в церковь, и быстро поплыл, разрезая воду сильными взмахами.

Он догнал лодку в тот момент, когда она стала набирать скорость, и когда он протянул руки, чтобы схватиться за борт, Харита, услышав его, подняла голову. Она вскочила и затравленно посмотрела на мужа.

Он хотел заговорить с ней, предупредить об опасности, но она, пронзительно вскрикнув, бросилась в воду с противоположной стороны лодки.

Несколькими взмахами лорд Вернем обогнул лодку. Харита лихорадочно била по воде руками, и он понял, что она не умеет плавать. Когда лорд Вернем протянул к ней руку, она судорожно вцепилась в него. Сильное течение несло их к водопаду, и он понял, что они оба в опасности.

Ему ничего не оставалось делать — пришлось опустить голову Хариты под воду и поддержать так, пока она не перестала сопротивляться. Он тем временем изо всех сил плыл к берегу. Борьба со все сильнее затягивающим потоком и тащить за собой Хариту — это требовало всех его сил без остатка.

На какое-то мгновение ему показалось, что все потеряно, сейчас их обоих унесет потоком в водоворот. Потом, сделав сверхчеловеческое усилие, он все-таки добрался до берега и вцепился в него левой рукой, придерживая правой безжизненное тело Хариты. Задышавшись и отплеываясь, он наконец вытащил ее из воды и положил на траву.

Он перевернул ее лицом вниз и, как только отдышался, начал ритмично сжимать ей ребра. Он научился этому у одного капитана. Они огибали мыс Горн во время шторма, двоих смыло за борт, а третьего они сумели откачать именно таким способом.

Он работал не останавливаясь, и через некоторое время она закашлялась и что-то пробормотала. Он еще некоторое время делал ей искусственное дыхание, потом сел рядом, отбросил со лба мокрые волосы и стянул с себя размокший галстук.

Обе туфли утонули, когда он нырнул в озеро, но лорда Вернема это не интересовало, его внимание было сосредоточено на неподвижном, мокром теле жены. Она все еще лежала лицом вниз. Он поднялся, подхватил ее под мышки и поставил на ноги.

— Чем скорее вы переоденетесь в сухую одежду, тем лучше, — сказал он.

Она обернулась, взглянула на него и тихо, то ли вскрикнув, то ли застонав, осела на землю.

Лорд Вернем понял, что Харита в обмороке, поднял ее на руки и зашагал к дому.

Подходя к дому, он заметил, как светившиеся во всех окнах огни начали гаснуть один за другим, и понял, что рабочие закончили свой день. Это хорошо, подумал он. Никого не будет, а у него не было ни малейшего желания, чтобы о случившемся кто-нибудь узнал и пошли ненужные пересуды.

Он прекрасно понимал: то, что леди Вернем в свою брачную ночь пыталась совершить самоубийство, станет тут же известно всей деревне и будет с интересом обсуждаться во всем графстве. Должно быть, инстинкт помог ему, когда он велел миссис Уильямс не ждать их.

Теперь, направляясь к дому с Харитой на руках, он начал понимать, как был бестолков. Нужно было догадаться гораздо раньше, что ее робость была вовсе не робостью, а страхом. Он привык общаться с дикими животными, поэтому лучше, чем кто-то другой, должен был различить его признаки.

Холодные руки, дрожащие пальцы, непроизвольная дрожь, когда он касался ее, попытки отодвинуться должны были бы даже менее опытному человеку ясно рассказать о ее чувствах.

Харита была очень легкой, и он без труда донес ее до дома. Она ни разу не шелохнулась, и лорд Вернем подумал, что ее обморок, возможно, даже к лучшему. Он вспомнил про сломанную защелку на окне в той комнате, где он когда-то сидел с дядей Лоримером, положил Хариту на заросшую густой травой лужайку перед домом и открыл окно. Забравшись в дом, он открыл одну из высоких застекленных дверей в соседней гостиной и внес Хариту в дом. Он знал, что в это время из слуг можно встретить только сторожа или дежурного лакея в холле. Поднявшись по одной из боковых лестниц, он добрался до южного крыла не замеченный никем.

Все еще держа Хариту на руках, он ухитрился открыть сначала дверь в коридор, а потом в ее спальню. Миссис Уильямс оставила зажженными свечи возле ее кровати, и комнату освещал золотистый свет, скрывавший недостатки мебели и потертость занавесок.

Лорд Вернем положил Хариту на коврик перед камином, взял полотенца и посмотрел на лежащую девушку. Ее лицо было белым, как когда-то ее платье, волосы, оказавшиеся длиннее, чем он предполагал, мокрыми, слипшимися прядями упали ей на плечи. Еще недавно красивое дорогое платье превратилось в лохмотья, перемазанные водорослями и травой. Ее глаза были по-прежнему закрыты, она все еще находилась в глубоком обмороке, и он не знал, что делать, чтобы привести ее в чувство.

В любом случае, сказал себе лорд Вернем, если он не хочет, чтобы она получила воспаление легких, нужно немедленно снять с нее мокрую одежду. Он начал осторожно вытирать полотенцем ее волосы, но понял, что капающая с его рубашки вода льется на Хариту. Он тут же скинул рубашку и, по пояс обнаженный, принялся снова сушить ей лицо и волосы, прежде чем расстегнуть платье. Расстегивая пуговицы, он с легкой улыбкой подумал, что ему в жизни приходилось раздевать немало женщин, но ни одна из них не была насквозь промокшей, да еще без сознания.

Он быстро справился с пуговицами, но, стягивая платье с плеч Хариты, потрясенно замер. На мгновение ему показалось, что это обман зрения, игра света. Лорд Вернем шагнул поближе, чтобы убедиться, что глаза его не обманывают и ее спина действительно покрыта рубцами.

Никогда в жизни не видел он столь жестоко избитую женщину. Рубцы пересекали друг друга, многие кровоточили в тех местах, где раньше прилипли к платью. Другие уже немного затянулись, и было ясно, что их нанесли несколько дней назад.

Он увидел, что она покрыта следами ударов от плеч до колен, и понял, что даже прикосновение мягкого полотенца может причинить ей боль. Поэтому он расстелил на кровати два сухих полотенца, потом очень осторожно положил ее, прикрыл еще одним полотенцем и уж только потом закрыл одеялом. Он стоял у кровати, смотрел на жену и отказывался верить собственным глазам.

Харита испуганно вскрикнула, и чей-то голос спокойно произнес:

— Все в порядке. Вы в полной безопасности.

Она открыла глаза, увидела, кто сидит в ногах ее кровати, и приглушенно охнула. Она попыталась отодвинуться, но резкая боль заставила ее снова вскрикнуть.

— Не надо пугаться, — сказал лорд Вернем, — но я бы хотел, чтобы вы выпили вот это.

С этими словами он приподнял ей голову и поднес к губам бокал. От одного его прикосновения она задрожала так, что зубы стучали о край бокала, но лорд Вернем слегка наклонил его, жидкость полилась ей в рот, и Харите пришлось ее проглотить. Бренди обожгло, и хотя вкус напитка показался ей отвратительным, окружавшая ее тьма начала понемногу отступать. Теперь она знала не только где находится, но и кто сидит рядом с ней.

— Допейте все до конца, — велел лорд Вернем, и Харита, привыкшая повиноваться, послушно сделала как ей велели. Только когда бокал опустел, он позволил ей снова откинуться на подушки.

Потом он сел рядом с ней на кровать, и сердце Хариты испуганно застучало так громко, что он, казалось, мог это услышать. Глядя на нее, лорд Вернем подумал, что никогда еще не видел женщины, чьи глаза так ясно выражали бы страх. Это были удивительные глаза, они, казалось, целиком занимали ее бледное личико.

Она выглядела вовсе не так, как он ожидал: теперь, когда ее волосы подсохли, в светлых прядях поблескивали рыжеватые искорки, а длинные ресницы были совсем темными.

Однако в данный момент его интересовала не внешность жены, его беспокоило, что она совершенно очевидно была напугана. Напугана до такой степени, что не могла даже говорить. К тому же ее трясло и он видел, что это не от холода.

Лорд Вернем разжег огонь в камине, и в комнате было очень тепло, но руки Хариты, которые она под одеялом прижала к груди, были холодны как лед.

Коснувшись своего тела, она поняла, что обнажена. Глаза у нее открылись еще шире, и едва слышно девушка прошептала:

— Как вы... как я... оказалась здесь?

— Я спас вас, и вы не попали в водоворот, — спокойно ответил лорд Вернем. — Может быть, вы не знаете, но в конце озера есть очень опасный водоворот, в котором утонули несколько человек.

Он говорил, чтобы успокоить ее, но по тому, как дрогнули ее ресницы, вдруг понял, что она знает об опасном водовороте.

— Вы слишком молоды, чтобы умереть, — сказал он. — И к тому же теперь вам нечего больше бояться.

Он подчеркнул слово «теперь», надеясь, что она поймет. Потом спросил:

— Почему ваш отец бил вас?

Он решил, что она, наверно, не ответит. Но тут, словно против воли, она произнесла:

— В-вы рассердитесь... рассердитесь, если я... расскажу вам.

Лорд Вернем улыбнулся:

— Обещаю, что не буду сердиться на вас ни сейчас, ни когда-либо потом.

— Но вы были сердиты... когда мы были в церкви.

Он удивился, что она так сумела понять его чувства. Но потом подумал, что она сама выглядит такой хрупкой и чувствительной и ничем не напоминает своего отца.

— Если я и был сегодня сердит, то не на вас. А сейчас, обещаю, что бы вы мне ни сказали, я сердиться не буду.

Она отвернулась, помолчала и сказала:

— Я... я не хотела выходить за вас замуж.

— Это я могу понять, — ответил лорд Вернем, — и уверяю вас, Харита, не моя вина, что мы не смогли поближе познакомиться прежде, чем стали мужем и женой.

— Папа... не позволил?

Он покачал головой:

— Нет.

— Почему... вы не дали мне умереть?

— Потому что вы молоды, а жизнь — это большая ценность. Вас впереди ждет еще много интересных и волнующих приключений. Было бы жаль лишиться всего этого.

— Я... я теперь... ваша жена.

— Неужели это так страшно?

Выражение ее лица не могло быть ничем, кроме ужаса.

— Что они вам наговорили? Что они сказали вам обо мне? — спросил он.

Она ничего не ответила, и он снова спросил:

— Вы, случайно, не путаете меня с моим кузеном Жервезом, с которым вы были помолвлены?

Он понял, что так оно и было, и выражение лица Хариты сказало ему больше, чем любые слова.

— Мой кузен, — начал он, тщательно подбирая слова, — никогда не пользовался моей симпатией, и я никогда не одобрял его поведения. У меня есть немало недостатков, которые, я уверен, вы со временем обнаружите, но я совершенно иной человек, чем Жервез.

Он старался говорить убедительно, но страх не проходил, и он почти резко спросил:

— Что вам сделал Жервез?

— Не мне... Бетси и... и маленькой Мэри.

Она поняла, что эти имена ничего не говорят ему, и, помолчав, тихо, почти неслышно добавила:

— Бетси утопилась... в водовороте.

— А маленькая Мэри?

Лорду Вернему не хотелось говорить о Жервезе, но он понимал, что должен добраться до причин страха Хариты.

— М-мэри было... всего одиннадцать... она... сошла с ума!

Слова были произнесены, и Харита снова испуганно вскрикнула.

— Вы сердитесь. Я так и знала... что вы рассердитесь!

— Я сержусь не на вас, — быстро произнес лорд Вернем, — а на своего кузена за его гнусные преступления и еще за то, что об этом рассказали вам.

— Папа... не догадывался, что я слышала об этом, — объяснила Харита, — я знала... что никогда не смогу выйти за него замуж... только это так трудно... убить себя.

— Поэтому ваш отец и избил вас?

— Н-нет... я убежала, — объяснила она. — Я хотела... спрятаться где-нибудь... но он догнал меня. Он твердо решил... как всегда, что я должна стать л-леди Вернем.

— Ну, а теперь, когда вы ею стали, бояться больше нечего — и меньше всего меня!

Она не сводила с него глаз, и он подумал, что страха в них стало чуть меньше. Но все-таки она настороженно смотрела на него, опасаясь, что в его дружелюбии может крыться ловушка.

— У нас у обоих сегодня был долгий и трудный день, — сказал лорд Вернем. — Утром мне пришлось хорошенько поработать, завтра я вам покажу, чем я занимался. Да и вы, должно быть, устали от свадебных торжеств.

Он помолчал, потом продолжил:

— Если я уйду и оставлю вас спать одну, даете честное слово, что не сбежите и утром будете здесь?

— В-вы будете спать у себя... в комнате?

Лорд Вернем понял, что это очень важный для нее вопрос и она вынуждена задать его, даже

боясь услышать ответ.

— Я сплю в соседней комнате, — ответил он. — Между нашими комнатами есть дверь. Если вам станет ночью страшно или вы почувствуете себя плохо, только крикните, и я сейчас же приду. В остальных случаях, я думаю, мы оба предпочитаем остаться в одиночестве.

Она подумала над его словами и спросила:

— Вы не хотели... жениться на мне?

— Я не имел ни малейшего желания жениться на ком-либо, — честно ответил лорд Вернем, — и уж тем более на той, с кем мне не дали обменяться даже парой слов до тех пор, пока мое кольцо не оказалось у нее на пальце.

— Папа... заставил вас... жениться на мне.

— Вы имеете представление о причине?

Харита помолчала.

— Может, потому, что вы хотели получить обратно вещи из пещеры Аладдина?

Она увидела удивление у него на лице и пояснила:

— Я хочу сказать, те вещи... которые принадлежали аббатству и которые папа хранил в специальной комнате. Мне кажется... хотя мне никто этого не говорил... что ваш дядя продал их ему.

— Мой дядя не только продал все, что было ценного в доме, он еще и занял у вашего отца уйму денег, как, впрочем, и мой кузен Жервез.

— И теперь... когда вы стали лордом Вернемом... у вас нет денег?

— Именно так.

— Теперь я начинаю... понимать. Я долго думала и решила, что дело именно в этом, хотя мне никто не говорил, что происходит или почему я должна... выйти за вас замуж.

Она покраснела и быстро добавила:

— Конечно, я знала... чего папа хочет от меня.

— Я думаю, нам обоим лучше постараться забыть обстоятельства, которые привели нас в данную ситуацию. Давайте вместо этого попробуем получить удовольствие от нашего брака?

— Н-но вы же... не хотели жениться на мне.

— А вы-то уж точно не хотели выходить за меня замуж.

— Не хотела... это правда.

— Но я же не собираюсь топиться в водовороте или бросаться с крыши аббатства, — сказал лорд Вернем. — У меня гораздо более интересные планы на будущее. К тому же если вы и не будете скучать обо мне, то Белла, Аякс, Скоби и Мина будут непременно.

— А кто... они?

Он снова улыбнулся.

— Двое из них очень привлекательные дамы, — ответил он. — Но не стоит волноваться, что они составят вам конкуренцию. Мина — гепард, а Белла — львица.

Харита удивленно открыла глаза.

— Вы хотите сказать... они здесь... в аббатстве?

— Они в парке, и все утро я был очень занят потому, что они прибыли всего за несколько часов до венчания. Я привез их с собой из Африки.

— Они не опасны?

— Ничуть! Я воспитывал их с самого детства. Завтра я их вам представлю и вы поймете, почему я считаю этих животных своей семьей и почему они так много значат для меня.

— Я однажды видела львов и тигров в лондонском Тауэре, — сказала Харита. — Они сидели в маленьких клетках и выглядели такими несчастными.

— Мои львы бегают на свободе в больших загонах в парке, — ответил лорд Вернем. — Конечно, это не то же самое, что целые джунгли, но думаю, они будут счастливы, потому что остались со мной.

— Это очень странно... что вы держите львов и гепардов... как домашних животных.

— Многие держали их до меня, — улыбнулся лорд Вернем. — Но обо всем этом я расскажу вам завтра. А теперь, Харита, я хочу, чтобы вы побыстрее уснули. Обещаете, что вы будете здесь утром?

— Да... обещаю.

Она ответила сразу, и он понял, что Харита сдержит слово.

— Я уже сказал, что нам предстоит вместе сделать много необычного и интересного. За это время мы успеем получше узнать друг друга.

Лорд Вернем внимательно посмотрел на нее и продолжал:

— Я очень надеюсь, Харита, что, хотя наш брак начался, как говорится, «не с той ноги», мы сможем стать друзьями.

— Вы правда... так думаете? У меня никогда... не было друзей.

— Я совершенно искренне так думаю, — заверил ее лорд Вернем. — И как друг можете вы придумать какое-то объяснение, почему ваше подвенечное платье мокрой тряпкой лежит на полу?

Харита приподнялась на подушке и болезненно поморщилась. Лорд Вернем понял, что это дала себя знать ее спина; но решил больше не заговаривать об этом.

— Мы могли бы сказать... что я в темноте... случайно упала в озеро, а вы меня спасли?

— Мне кажется, что это вполне разумное объяснение и миссис Уильямс ему поверит, поскольку она видела вас в саду.

— Может, мне сказать, что я искала вас... а вы пошли в парк посмотреть львов?

— Так получается еще лучше, — одобрил лорд Вернем. — Если вы сможете рассказать эту историю достаточно убедительно, не возникнет никаких слухов и сплетен. Я полагаю, нас обоих это вполне устроит.

— Я не подумала, что мой поступок... отразится на вас, — вздохнула Харита. — Мне... мне очень жаль.

— К счастью, скандала удастся избежать, — ответил лорд Вернем. — Ну, а теперь мне надо заняться своей промокшей одеждой. Боюсь, мой свадебный наряд безнадежно испорчен.

Она хотела было попросить прощения, но заметила, что он улыбается.

— Ничего страшного, — добавил он, — у меня нет ни малейшего желания жениться еще раз. Одного вполне достаточно.

Харита с усилием улынулась. Он встал, двигаясь медленно, чтобы не напугать ее.

— Спокойной ночи, Харита. И не забудьте, если вам что-то понадобится, только позовите меня.

Он подошел к камину и бросил в огонь полено, зная, что она наблюдает за ним. Потом он повернулся и открыл дверь между комнатами.

— Приятных снов, — пожелал лорд Вернем на прощание и закрыл за собой дверь.

Харита долго лежала, прислушиваясь к звукам в соседней комнате. Наконец он, должно быть, потушил свечу, потому что комната погрузилась в темноту. Тогда она повернулась и задула свечи, стоящие возле ее кровати.

От резкого движения она снова почувствовала невыносимую боль в спине и к тому же вспомнила, что она обнажена. Харита покраснела при мысли, кто раздевал ее! Было невозможно поверить, что мужчина снял с нее одежду и увидел следы ударов на спине.

В этом было что-то такое постыдное и неприличное, что ей захотелось спрятаться и никогда в жизни не видеть лорда Вернема.

Потом она сказала себе, что ничего не значит для него как женщина. Зачем она ему, если мысль о женитьбе на ней была ему так же отвратительна, как ей — мысль о замужестве с ним?

С ужасом выполняя приказание отца, она ни разу, до сегодняшнего вечера, не задумывалась о его чувствах.

Истории, которые она слышала о Жервезе, заставили ее думать, что все дворяне одинаковые, они бросаются на любую женщину, которая привлекла их внимание, и не имеет значения, к какому классу она принадлежит.

Как и следовало ожидать, Харита была очень невинна и все, что она знала о страстях и мужчинах, исходило от Эммы. Но книги, которые она читала, подсказали ей, что мужчины и женщины что-то делают вместе, от чего появляются дети, и она решила, что это должно быть что-то очень личное, интимное, а с таким человеком, как Жервез Верн, это будет просто

ужасно.

Но лорд Вернем другой... совсем другой, и он сказал, что хочет, чтобы они были друзьями.

«Я бы очень хотела, чтобы он был моим другом», — подумала она.

Хотя свечи были потушены, в комнате было немного света от камина, и она была рада, что не осталась в полной темноте.

«Мне больше не нужно бояться, — сказала она себе. — И даже если я чего-то испугаюсь, то позову, и он придет ко мне».

Некоторое время она размышляла об этом, потом решила, что очень глупо продолжать бояться его. Конечно, он очень большой, но она внимательно смотрела на его лицо, и что-то подсказало ей, что этому человеку можно доверять.

— Я... его жена. Я... замужем, — прошептала она. При слове «замужем» по спине снова пробежал легкий холодок страха, появлявшийся каждый раз, когда о замужестве говорил ее отец. Но сейчас, при слабом свете камина, все было не так страшно, как она ожидала.

«Завтра он покажет мне львов», — подумала она и уснула с мыслью об этом.

— Просто тихо стойте рядом со мной, — сказал лорд Вернем. — Не делайте никаких резких движений до тех пор, пока они не познакомятся с вами.

Он открыл дверь в вольер для львов, и, хотя Харите казалось, что у нее внутри трепещут бабочки, она храбро вошла внутрь, твердо решив не показывать лорду Вернему своего страха.

Как только они появилась, Аякс бросился к ним.

— Он вас не тронет, — заверил ее лорд Вернем, и было совершенно очевидно, что никто, кроме хозяина, льва не интересуется. Он встал на задние лапы и положил передние на плечи лорда Вернема, который стал его ласково гладить и перебирать пальцами гриву.

— Сидеть, Аякс!

Лев повиновался. Тогда лорд Вернем сказал Харите:

— Протяните ему руку.

Она повиновалась, хотя и была не в силах сдержать при этом легкой дрожи.

— Это друг, Аякс, — произнес лорд Вернем, — и очень важный для нас обоих.

Словно поняв все сказанное, лев внимательно посмотрел на Хариту, потом лизнул ей руку. Его язык оказался очень шершавым.

— Ну вот, теперь вы представлены друг другу, — пошутил лорд Вернем, — и можете погладить его, как собаку.

— У меня никогда не было собаки.

Лорд Вернем удивленно приподнял брови.

— Почему?

— Папа считал, что это будет отвлекать меня от более важных занятий.

— Это каких же?

Она взглянула на него из-под ресниц.

— Я получала самое лучшее образование... чтобы стать... титулованной леди.

— И теперь, когда вы ею стали?

— Я обнаружила, что совершенно невежественна во всем, что касается львов, — ответила она с неожиданным для него чувством юмора.

— Ну, это можно легко исправить. Боюсь, что вы пока не можете познакомиться с Беллой, потому что у нее малыши. Они родились во время путешествия, и она прячет их даже от меня.

Он посмотрел на кусты, растущие в дальнем конце вольера, и, словно откликнувшись на его взгляд, среди зелени показалась очень красивая львица.

— Разве ты не собираешься поздороваться со мной, Белла? — спросил лорд Вернем.

Львица медленно двинулась к нему. Подойдя, она ласково потерлась о его ноги.

Харита немного испуганно смотрела на Аякса, но, не желая показаться трусихой, заставила себя протянуть руку и потрепать его гриву.

Несколько минут он принимал ее ласку, потом прыгнул к хозяину.

Пятнистые гепарды махали хвостами и демонстрировали трюки, которым научил их лорд Вернем. По его команде они взбирались на дерево и с непередаваемой грацией спрыгивали оттуда на плоскую крышу их домика.

Мина просто обвивалась вокруг хозяина, и оба они так приняли Хариту, что она совсем забыла свои страхи. Она заметила, что в их вольере ограда была выше и устроена так, чтобы они не могли через нее перебраться.

— Когда они немножко привыкнут жить здесь, мы возьмем их в дом, — сказал лорд Вернем. — Но сейчас они только будут пугать рабочих, даже если держать их на поводках.

— Я просто уверена, что это так, — согласилась Харита. — Вы часто выпускаете их побегать на свободе?

— В Африке они везде ходили со мной, но здесь они будут нападать на оленей. Эти звери охотники по природе и считают, что это очень скучно, когда еду не надо сначала поймать.

— Они такие красивые! — заметила Харита.

— Для древних египтян они воплощали храбрость, — объяснил лорд Вернем. — А львы были эмблемой власти и королевского дома. Существуют лишь два свидетельства, что гепарды были домашними животными царей.

— Кто же продемонстрировал такой хороший вкус? — поинтересовалась Харита.

— Чингисхан и император Шарлемань.

— Вы оказались в весьма достойной компании, — улыбнулась она.

Гепарды перевернулись на спины, чтобы Харита и лорд Вернем могли почесать им животы. Пока их чесали и гладили, они так громко издавали знаменитое мурлыканье гепардов, что их тела дрожали.

Мина тихонько покусывала ухо лорда Вернема, что было, как он объяснил Харите, знаком большой любви.

Харите показалось, что, когда они прощались, гепарды укоризненно смотрели на них, потому что они должны оставаться взаперти и не могут следовать за своим хозяином.

В оранжерее, где разместили попугаев, Харита пришла в восторг от сверкающего оперения птиц.

Как только они вошли, один большой макао взлетел и сел на плечо лорда Вернема.

— Какой он красивый! — восхитилась Харита, глядя на сине-красный хвост.

— Дуррак! — грубо заявил попугай, и Харита засмеялась.

— О, так он умеет говорить!

— Многие из них разговаривают, когда остаются со мной наедине, — ответил лорд Вернем. — Этот старый негодяй, которого зовут Горацио, готов ругать любого, и, боюсь, он бывает не слишком любезен.

Он принес Горацио из оранжереи и посадил его в холле.

— Здесь ему будет гораздо лучше. Ему нравится, когда вокруг люди. Он развлекается, ругая слуг, и очень скоро научится звать их моим голосом или голосом дворецкого, и бедняга лакей даже не поймет, кто отдает ему распоряжение.

— Мне бы хотелось прямо сейчас послушать, как он это делает, — обрадовалась Харита.

— Придется подождать, пока он усовершенствует свой репертуар по-английски, — ответил лорд Вернем. — Слуги, которых он звал в Африке, были чернокожие парни, и они ужасно злились на него!

За обедом Вернем обратил внимание, что Харита более оживленна и выглядит спокойнее, чем накануне.

На следующий день после свадьбы он не позволил ей встать с постели и, поскольку она весь день проспала, убедился в правильности своего решения.

Миссис Уильямс и все остальные услышали историю о том, что леди Вернем, разыскивая мужа, который, как она считала, пошел проведать львов, в темноте свалилась в озеро.

— Это так глупо с моей стороны, — сказала Харита.

— Это просто ужасно, миледи, — ответила миссис Уильямс. — Пережить такое, да еще после всех волнений вчерашнего дня!

Харите хотелось многое увидеть, но на следующий день она чувствовала себя слишком слабой, и, хотя она не жаловалась, спина очень болела.

Она знала, что испытывает реакцию после ужаса, терзавшего ее с того момента, как она узнала о своем замужестве. Эта мысль мучила ее день и ночь, и даже до того, как отец избил ее, Харита почти не спала. А после этого спать стало уже невозможно — ей пришлось лежать лицом вниз, и каждое прикосновение к спине причиняло невыносимую боль.

Мисс Доусон старалась, как могла, облегчить ее страдания, применяла всевозможные мази, но все это мало помогало, и к тому же, заживая, рубцы нестерпимо чесались.

Больше всего Хариту мучило то, что свой гнев отец вылил не только на нее, но и на мисс Доусон.

— Доуси, что вы будете делать, когда я выйду замуж? — спросила она.

— Я должна покинуть дом сразу же после свадебной церемонии, — ответила мисс Доусон.

— Это папа вам велел?

— Он бы выставил меня еще раньше, но ты была так больна после его наказания, мне кажется, он боялся, что в день свадьбы ты не сможешь держаться на ногах.

— Он вас выгнал? — в ужасе переспросила Харита. Почему-то, несмотря на то, что сказала мисс Доусон, ей казалось, что отец оставит гувернантку в Кингсклере.

— Не только выгнал, — ответила мисс Доусон, — но и не отдал мое жалование за последний месяц и отказывается написать рекомендацию.

Она тихонько вздохнула.

— Ты знаешь, что это значит, моя девочка. Мне будет очень трудно найти другую работу.

— Как он мог так гадко поступить?! — воскликнула Харита.

Это был глупый вопрос. Она прекрасно знала, что ее отец всегда делает по-своему и, если ему противоречить, становится очень злым и мстительным.

Вдруг ее глаза радостно заблестели.

— Доуси, дорогая, вам не надо заботиться о рекомендации! Я сама дам ее вам!

Мисс Доусон засмеялась и села на ближайший стул.

— А ведь и правда. Я даже не подумала об этом.

Они посмотрели друг на друга, и обе подумали, что хотя бы таким образом смогут отплатить мистеру Муру.

— Как только я выйду замуж, немедленно напишу вам самую лучшую рекомендацию, какая только может быть, — пообещала Харита.

Она думала об этом за обедом и, когда они с мужем встали из-за стола, заговорила неуверенным тоном, который лорд Верн начал уже узнавать:

— Я... я хотела... попросить вас.

Он молча ждал.

— Вы можете отказать, — продолжала она, — но если это возможно... не могла бы я послать немного денег моей старой гувернантке ... совсем немного? — Она умоляюще подняла на него глаза и продолжала: — Из-за того, что я... убежала, папа уволил ее без рекомендации... и отобрал деньги, которые должен ей за последний месяц.

Лорд Вернем сжал губы.

Чем больше он узнавал о Теобальде Муре, тем больше он презирал этого человека, способного поднять руку на такое нежное и хрупкое существо, как Харита, и готового наказать гувернантку за то, в чем она совсем не виновата.

— Вы сердитесь! — испуганно вскрикнула Харита. — Я... я... простите, что спросила. Я не хотела... вас рассердить.

— Я хочу поговорить с вами, Харита, — сказал лорд Вернем.

Он увел ее из столовой, где их разговор могли услышать слуги, в гостиную, в которой в первый день своего возвращения они беседовали с дядей.

Сегодня здесь все выглядело по-другому. Проданная мебель вернулась на свои места и была теперь заново обтянута малиновым шелком. На стенах снова висели принадлежавшие Вернам картины, некоторые из них были написаны много веков назад; глаз радовала старинная мебель из ореха и розового дерева.

Закрывая за собой дверь, лорд Вернем прекрасно понимал, что большие испуганные глаза Хариты не видят ничего, кроме сердитого выражения его лица.

— Садитесь, — сказал он.

Она повиновалась, и, увидев, как крепко Харита сжала сложенные на коленях руки, он понял, что она пытается сдержать охватившую ее дрожь.

— В первую ночь после нашей свадьбы я сказал, что вам не надо меня бояться, Я хочу, чтобы вы об этом помнили и знали, что, о чем бы вы ни попросили меня, что бы ни сказали, я никогда не буду сердиться на вас.

— Но вы... вы выглядели сердитым.

— Я рассердился, что ваш отец поступил так безобразно. Я не говорил вам раньше, Харита, но скажу сейчас. Мне не нравится ваш отец, и я не могу удержаться, чтобы вам этого не сказать.

— Значит, вы... не сердитесь на меня за то, что я попросила денег?

— Это еще одно, что вы должны понять, — продолжал лорд Вернем. — Деньги, которые я трачу на аббатство, — ваши. Я знаю, что по закону они принадлежат мне как вашему мужу, но ваш отец превратил наш брак в чисто деловую сделку, о которой нам обоим следует помнить.

Харита удивленно посмотрела на него.

— Я получил ваши деньги в обмен на свой титул. — Он улыбнулся и добавил: — Лично я,

учитывая ваше огромное приданое, считаю такую сделку неравноценной. Но ваш отец остался доволен, а для меня все, что относится к аббатству и поместью, принадлежит нам вместе — половина мне и половина вам, Харита.

Он уже понял, что она умна и сообразительна. Когда она поняла, глаза ее вспыхнули, а выражение испуга сменилось недоверчивой радостью.

— Вы правда так считаете? — спросила она.

— Конечно правда, — ответил лорд Вернем. — И я хочу, чтобы вы всегда об этом помнили, особенно когда речь идет о деньгах.

— Значит, я могу послать деньги Доуси?

— Столько, сколько хотите.

Харита посмотрела, чтобы убедиться, что он не шутит, потом нерешительно произнесла:

— Сто фунтов... это не слишком много?

— Я хотел предложить двести, учитывая, сколько лет она о вас заботилась, — ответил лорд Вернем. — Или, если хотите, можете заплатить за каждый проработанный ею год. Так обычно делается, когда оставляют деньги по завещанию.

— Я думаю, Доуси будет очень рада получить двести фунтов. — Если я предложу ей больше, она может отказаться.

— Если она такая, как я предполагаю, это вполне возможно, — согласился лорд Вернем.

— Я могу послать их прямо сейчас?

Он сделал жест рукой.

— Ничто не может вас остановить.

— Вы так добры... как мне вас благодарить?

— Вам совсем не нужно благодарить меня. Я же объяснил — это ваши деньги.

— Многие мужчины так бы не поступили.

Он понял, что она подумала о Жервезе, и серьезно ответил:

— Я ведь уже сказал вам — я другой, по крайней мере, надеюсь, что это так.

Вечером, когда они заканчивали ужин, Холден вошел в комнату и что-то прошептал на ухо лорду Вернему. Тот выслушал и тут же встал.

— Прощу меня извинить, — повернулся он к жене и вышел из столовой.

Ее немного удивил этот внезапный уход и к тому же ей хотелось, чтобы он позвал ее с собой. Что могло случиться? Кому-то из рабочих понадобилась его помощь? Что-то не так с ремонтом дома? Дел было так много, что дни, как казалось Харите, пролетали мгновенно.

Сегодня они ездили на одну из ферм и увидели, что новая крыша уже поставлена, а рабочие красят окна и двери.

Дом стал таким красивым, что ей самой захотелось пожить в нем.

— Я хотела бы быть женой фермера, — сказала она, когда они возвращались домой.

— Вам пришлось бы очень много работать, — улыбнулся лорд Вернем.

— Я уверена, это лучше, чем ничего не делать, — ответила она. — Вы же работаете много. Я думаю, поэтому вы и выглядите таким счастливым.

— Вы очень догадливы. Действительно, я всю жизнь много работал. И наверное, самой тяжелой работой была та, когда я карабкался на гору в Афганистане в компании на редкость упрямых яков, которых всю дорогу надо было или тянуть, или толкать.

Он улыбнулся, вспомнив то время, и продолжал:

— А еще у меня были носильщики, которые боялись джиннов, по их мнению собиравшихся мстить нам с вершин соседних гор.

Харита, как он и хотел, весело рассмеялась. Он чувствовал, что с каждым разом, когда она смеялась, страх, все еще прячущийся в ее глазах, отступает все дальше.

Хотя она уже начала доверять ему, он знал, что когда подходит слишком близко или случайно касается жены, она вздрагивает и все беспокойство, вся неуверенность снова возвращаются.

Это было совсем не похоже на приручение детеныша, в котором изначально заложено доверие к окружающему миру, говорил он себе. Это скорее похоже на то, что дикое животное взяли из джунглей и приучают к присутствию человека.

Харита поела и пошла в гостиную. Она не понимала, что случилось, что могло задержать лорда Вернема. Неожиданно она почувствовала себя потерянной без него. Незаметно для себя самой она привыкла, что он всегда рядом, и не чувствовала себя одинокой. Она заметила свое отражение в одном из зеркал в резной золоченой раме и впервые подумала о том, находит ли он ее привлекательной. Ей было трудно судить о том, какой она кажется мужчине.

Глаза ее были действительно очень большими, но это еще и потому, что лицо было очень худым. Она даже не могла есть от страха после того, что узнала о Жервезе Верне. Кожа была очень белой и чистой, волосы теперь, когда она успокоилась, начали блестеть так, как никогда не блестели раньше.

"Может быть, ему не нравятся светловолосые женщины, — размышляла Харита. — Он так долго прожил в Азии и Африке, что наверняка предпочитает женщин с темными волосами».

Странно, но эта мысль ее огорчила. В этот момент появился лорд Вернем. Он нес что-то в руках. Она подождала, пока он подойдет, и подняла глаза. Он смотрел на нее с улыбкой.

— Я принес вам работу.

Харита с удивлением увидела, что он держит крошечного львенка. Он был немногим больше котенка, только голова казалась непропорционально большой.

Она протянула руки, и львенок прижался к ней, словно ища защиты.

— Холден готовит бутылочку, чтобы вы могли покормить малыша, — сказал лорд Вернем.

— Но Белла?.. — спросила Харита.

— Я должен объяснить. У львицы обычно бывает четыре детеныша, но один, как правило, умирает сразу после рождения, а другой бывает очень слабым. Поэтому львицу обычно сопровождают двое львят. Этот, как вы видите, слишком мал, и если мы не вмешаемся, он умрет. Харита внимательно слушала.

— Дэн, которого я обучаю ухаживать за львами, заметил, что другие львята отталкивают его и он целый день ничего не ел.

— Бедная крошка, — пробормотала Харита.

Она крепче прижала к себе хныкающего львенка. Он смотрел на нее круглыми глазами и напоминал мячик из пятнистого меха.

— Я подумал, что вы захотите спасти его, — сказал лорд Вернем. — Это потребует немало тяжелой работы, но мне казалось, это как раз то, чего вам хотелось.

Это просто замечательная работа, думала Харита позже, когда малыш высосал бутылочку теплого молока, принесенную Холденом, и крепко уснул.

— Вы возьмете его к себе на ночь? — спросил лорд Вернем.

— Ну конечно!

— Если он начнет беспокоиться, суньте ему палец в рот и он с удовольствием пососет его, пока вы позвоните Холдену, чтобы тот принес еще молока. Он не возражает, чтобы его разбудили.

— Куда вы? — спросила Харита, когда лорд Вернем направился к дверям.

— Взглянуть на Беллу. Может быть, я и ошибаюсь, но даже рядом с Аяксом ей, как мне кажется, иногда не хватает меня.

Он пошутил, но, когда лорд Вернем вышел из комнаты, Харита вдруг подумала, что ей его тоже не хватает.

Глава 5

Лорд Вернем заглянул в гостиную. Харита сидела на полу и играла с Бобо. Последние дни он много ел и теперь был совсем не похож на того замороженного детеныша, которого принесли в дом.

Харита с улыбкой обернулась и сказала:

— Сегодняшнее утро нам дорого обошлось. Бобо съел мою перчатку, на клочки разорвал две пары туфель и сделал дыру в покрывале. Миссис Уильямс очень рассердилась.

Лорд Вернем рассмеялся.

— Надо давать ему игрушки покрепче.

— Тогда их придется делать из гранита.

— Я сейчас еду на ферму «Вязы» с ее будущим хозяином, а когда вернусь, мы прогуляем гепардов, — пообещал лорд Вернем.

— Как хорошо, — обрадовалась Харита. — Цепи уже прислали утром. Очень легкие и, мне кажется, как раз то, что вам надо.

Он вышел, а Харита, взяв львенка на руки, зарылась лицом в его пушистый мех. Он пах медом, и она уже любила его так, как ни одно другое живое существо. У нее никогда не было своего животного, и то, что Бобо целиком зависел от нее, делало львенка еще дороже.

Но в то же время Харита очень привязалась к гепардам. Лорд Вернем беспокоился, что они не получают достаточной физической нагрузки, и решил брать их с собой на длинной веревке, когда они с Харитой отправлялись кататься верхом. Из-за оленей их нельзя было пустить свободно бегать, и к тому же, как бы хорошо они ни были выдрессированы, всегда есть возможность, что они могут испугать кого-то из работающих в поле фермеров или их детей.

Поэтому они с Харитой попробовали брать с собой на прогулку гепардов на очень длинных веревках. Хотя им хотелось бежать быстрее, приходилось приноравливаться к бегу лошади. Единственная трудность заключалась в том, что, когда лошади замедляли бег или останавливались, гепарды перегрызали веревки и удирали.

Лорду Вернему пришлось послать за очень тонкими цепями, и теперь они хотели поскорей опробовать свое изобретение.

— Здесь столько всего интересного, — сказала Харита Бобо. Она привыкла разговаривать с ним наедине. — Это так замечательно — каждый день видеть, как меняются комнаты. Длинная галерея теперь самое красивое место, какое можно себе представить. — Бобо прижался к хозяйке. — Идем, — позвала его Харита, — нам нужен свежий воздух. Поглядим, что делается в саду.

Она вынесла его в холл. Подходя к дверям, она увидела на столе миску с яблоками и морковками. Их поставили сюда по распоряжению лорда Вернема, чтобы, отправляясь в конюшню, они могли захватить угощение для лошадей.

— Сначала мы пойдем в конюшню, — объявила Харита. — Я хочу повидать Кингфишера.

Это была лошадь, которую лорд Вернем купил всего два дня назад. Великолепный чалый с длинным хвостом и развевающейся гривой. Харите он очень нравился, особенно потому, что был приучен к дамскому седлу и легко слушался седока.

Она взяла несколько морковок и с Бобо под мышкой вышла на залитый солнцем двор. До конюшни было недалеко, и, зайдя внутрь, Харита увидела, что все оставшиеся дома лошади с интересом выглядывают из своих стойл.

Поблизости не оказалось ни одного конюха — в это время они обычно выгуливают лошадей в парке. Харита спустила Бобо на землю, одной рукой погладила Кингфишера, а другой протянула ему морковку. Он, похоже, уже узнавал ее, и было приятно думать, что это ее собственная лошадь и лорд Вернем выбрал ее специально для жены.

— Я хочу купить много лошадей, — сказал он, — но вашу я должен купить в первую очередь.

— Вы меня избалуете! — запротестовала Харита.

— Я думаю, это невозможно, — возразил лорд Вернем. — У меня такое чувство, что прежде вас совсем не баловали и мне придется наверстывать упущенное.

Ей очень нравились такие слова, потому что никто раньше так с ней не разговаривал. Отец только отдавал приказы, и ей всегда казалось, что она для него не человек, а лишь инструмент для выполнения его честолюбивых замыслов. Она была достаточно умна, чтобы понять — лорд Вернем сознательно делает ее участницей всех своих дел. В конце каждого дня они осматривали всю сделанную за день работу в аббатстве, и он спрашивал ее мнение, считался с ее советами.

Раньше с ней не случалось ничего подобного, и сначала Харита слишком смущалась, чтобы высказывать свои мысли. Потом поняла, что он действительно хочет услышать ее мнение, и стала его высказывать, правда очень осторожно, чтобы не вызвать его недовольства. Она радовалась, когда он одобрял ее предложения.

Что касается имения, он тоже держал ее в курсе всех дел. Единственное, что лорд Вернем делал один, — беседовал с фермерами, которые хотели получить в аренду заново построенные фермы.

— Когда они привезут жен, я бы хотел, чтобы вы с ними встретились, — сказал он, — а пока мне одному легче беседовать с мужчинами.

— Да, конечно, — согласилась Харита. — Должна признаться, выращивание зерновых — еще один пробел в моем образовании.

— Их, похоже, довольно много, — поддразнил ее лорд Вернем.

В ответ она скорчила ему гримаску.

— Если бы вы только знали, сколько часов я провела за книгами слушая своих учителей и делая домашние задания, вы бы поняли, как досадно чувствовать, что в моих знаниях есть пробелы.

— И слава Богу, что они есть, — ответил он. — Я боюсь умных женщин.

— Если я и умная, то только в каких-то теоретических вопросах, тогда как вы... — Она сделала жест рукой.

— Что я? — полюбопытствовал он.

— Вы так много знаете про все самое важное, — пробормотала она. — Про людей, которых я встречала так мало, про диких животных и, конечно, про то, как управлять имением и сделать аббатство самым прекрасным местом на свете.

— Вы правда так считаете? — спросил он.

— Я никогда еще не была так счастлива.

Увидев вопрос в его глазах, она покраснела.

— Откуда же я знала... как я могла подумать... что вы так отличаетесь... от того, чего я... боялась?

— Пусть это будет вам еще одним уроком и научит не судить поспешно о людях, — весело

отозвался он. — Если бы вы внимательнее читали свои волшебные сказки, то знали бы, что чудовище всегда в конце концов оказывается заколдованным принцем.

Она засмеялась, но потом, ночью, оставшись одна, Харита сказала себе, что он прав. Она думала, что он такое же чудовище, как и его кузен, Жервез Верн. А вместо этого он оказался добрым, заботливым, и с каждым днем она боялась его все меньше.

Харита погладила Кингфишера, а он потянул морду еще за морковками.

— Ах ты жадина, — сказала она. — Прежде чем я дам тебе еще, надо хорошенько пробежаться.

Она снова погладила лошадь и повернулась, чтобы забрать Бобо, но его нигде не было. Харита огляделась и заметила его с другой стороны конюшни.

— Бобо, — крикнула она, бросаясь следом.

Львенок поспешно удирал прочь, прекрасно понимая, что делает что-то нехорошее. За конюшней росло много травы и сорняков, которые садовники должны будут скосить позже, когда закончат всю работу вокруг дома.

С врожденным инстинктом, Бобо прятался в высокой траве. Харита почти догнала его, но неожиданно раздался громкий треск, Бобо испуганно завопил и исчез. Харита пробежала еще несколько шагов, прежде чем поняла, что случилось. Среди мусора, в зарослях сорняков, на земле лежала круглая деревянная крышка с дыркой посередине. Сквозь нее и исчез Бобо.

Она наклонилась, оттащила в сторону разваливающуюся деревянную крышку и обнаружила, что она закрывает колодец. Им явно давно не пользовались, и, как и все в аббатстве, крышка прогнила, и ее никто не починил и не заменил.

Харита склонилась над колодцем и испуганно позвала:

— Бобо! Бобо!

В ответ она услышала жалобные вопли малыша. Похоже, при падении он не пострадал, и к тому же в колодце не было воды. Она оглянулась, собираясь позвать на помощь, но тут заметила, что к одной из кирпичных стенок колодца прикреплена лестница.

— Все в порядке, Бобо! — крикнула она. — Я сейчас спущусь за тобой, не бойся.

Харита не боялась ни лестниц, ни высоты. Наоборот, мисс Доусон часто сердилась, что она бегаёт по высоким стенам, окружавшим сад Кингсклера и лазает на крышу дома, чтобы посмотреть вокруг.

Ей никогда прежде не доводилось спускаться в колодец, но она отчетливо слышала хныканье Бобо и решила, что колодец не глубокий.

Поставив ноги на перекладину лестницы, она начала быстро спускаться. И вдруг, уже на полдороге, она услышала зловещий треск. Она крепче ухватилась за лестницу, но в этот момент прогнившее дерево не выдержало и лестница оторвалась от стены. Харита в ужасе закричала, почувствовав, что висит над черным отверстием. Потом ощутила, что падает, и все окутал мрак... Лорд Вернем вернулся в аббатство очень довольный своим новым арендатором. Это был шотландец, с превосходными рекомендациями, и лорд Вернем был уверен, что именно такой человек нужен, чтобы привести в порядок так долго пустовавшую землю.

— Может быть, вы хотите привести сюда жену и показать все ей, прежде чем примете решение, — предложил лорд Вернем.

Шотландец покачал головой.

— Старушке, как и мне, понравится дом и то, что милорд будет нашим хозяином.

Лорд Вернем остался доволен комплиментом. Он подумал, что если сумеет найти еще шесть таких же арендаторов для оставшихся свободных ферм, то поместье Вернем скоро вернет себе ту репутацию, которую имело во времена его деда.

Лорд Вернем ездил на ферму в легком экипаже и теперь, вернувшись, бросил поводья груму и приказал:

— Через четверть часа подайте Кингфишера и Руфуса. Мы с ее милостью поедем кататься до обеда.

— Да, милорд.

— И скажите Дэну, что мы берем гепардов с собой.

Лорд Вернем вошел в дом. Отдавая лакею шляпу и перчатки, он с улыбкой подумал о том, что очень немногие женщины способны за четверть часа переодеться в платье для верховой езды. Но он уже успел убедиться в проворности Хариты. Она никогда не заставляла его ждать.

Он полагал, что застанет жену в гостиной, но комната оказалась пустой. Вернувшись в холл, он спросил лакея:

— Вы видели ее милость?

— Она вышла полчаса назад, милорд.

— Наверно, она в саду, — решил лорд Вернем.

Он обнаружил там целую армию садовников: кто-то возвращал лужайкам прежний вид зеленого бархатного ковра, кто-то подстригал кусты, разросшиеся так, что превратились в непроходимые заросли.

Полдюжины садовников высаживали на клумбы цветы, которые пришлось покупать, так как было уже слишком поздно выращивать их из семян.

Поражало, чего можно добиться за такое короткое время, но лорд Вернем понимал, что впереди еще очень много работы. Он вспомнил, как однажды его бабушка сказала:

— Нельзя торопить природу. Это действительно так, и лишь на будущий год сад сможет стать достойным обрамлением аббатства.

— Вы видели ее милость? — спросил он у садовника, подстригавшего тиссовую изгородь.

— Нет, милорд, сегодня не видел.

«Она пошла в конюшню», — заверил себя лорд Вернем. Нужно было сразу догадаться, что она захочет покормить свою новую лошадь. Ему пришлось немало постараться, чтобы приобрести эту кобылку, и, увидев вспыхнувшие радостью глаза Хариты, он почувствовал себя полностью

вознагражденным за все хлопоты.

И все-таки, думал он, направляясь к конюшне, это маленький Бобо сделал ее новым человеком. Это было очень удачной мыслью — отдать ей львенка на воспитание. Ужас, который стоял в ее глазах с самой свадьбы, теперь исчез, и лорд Вернем очень надеялся, что он больше никогда не вернется. Он не спрашивал, но ему казалось, что спина Хариты уже заживает.

Наблюдая за ней, он обратил внимание, что она теперь садится удобнее, прислоняется к спинке стула или дивана, чего раньше делать не могла. К счастью, Теобальд Мур ни разу не появился у них. Возможно, он просто проявлял такт, поскольку официально у них сейчас был медовый месяц, но лорд Вернем твердо решил на будущее дать ясно понять этому человеку, что его появление в аббатстве совсем нежелательно.

Конечно, невозможно совсем не видеться с ним, но лорд Вернем был уверен, что его появление окажет очень плохое воздействие на Хариту, и намеревался предотвратить это любой ценой.

Лорд Вернем подошел к конюшне, и в этот момент с дальнего конца в нее вошли несколько конюхов с лошадьми. Он посмотрел на лошадей без особого интереса. В основном это были лошади, одолженные ему тестем, и лорд Вернем собирался вернуть их, как только приобретет своих. Пока же приходилось довольствоваться лошадьми Теобальда Мура, чтобы выезжать в экипажах, совершать прогулки верхом и посылать грумов с многочисленными поручениями.

Кроме того, нужно было доставлять в аббатство провизию и привозить огромное количество различных строительных материалов, каждый день требовавшихся рабочим. Но лорд Вернем знал, что не успокоится, пока в конюшнях не будут стоять лошади, принадлежавшие только им с Харитой.

Старший конюх спрыгнул с лошади и поспешил навстречу хозяину.

— Доброе утро, милорд! Я могу что-то сделать для вашей милости?

— Я думал, может, ее милость здесь, — ответил лорд Вернем. — Я велел немедленно оседлать Кингфишера и Руфуса.

Старший конюх бросил взгляд в сторону стойл.

— Их уже седлают, милорд.

— Тогда, может быть, ее милость около своей лошади?

Но Хариты нигде не было, и, заглянув в каждое стойло, лорд Вернем вернулся в дом.

Может быть, она отправилась посмотреть, что сегодня сделали рабочие, но это не похоже на нее, потому что каждый вечер они делали это вместе.

Ее никто не видел. Он заглянул в галерею, в библиотеку, осмотрел всю оранжерею и даже дошел до вольеров — вдруг она пошла поговорить со львами и гепардами.

Дэн примерял на гепардах длинные цепи, и на зверях были надеты ошейники. Они бросились к хозяину, но лорд Вернем быстро сказал:

— Я еще не готов гулять с ними, Дэн. Никак не могу найти ее милость.

— Сегодня утром ее здесь не было, милорд.

Лорд Вернем начал беспокоиться. Неужели Харита снова убежала? Он не мог в это поверить, потому что был убежден — она говорила правду, когда сказала ему, что еще никогда в жизни не была так счастлива. Так где же она?

Наверняка ее исчезновение должно очень просто объясняться. Уж если ей в голову пришла нелепая мысль сбежать, она бы никогда не взяла с собой Бобо.

— С ними обоими что-то случилось, — пробормотал он.

Вряд ли кто-нибудь случайно запер их в какой-то комнате, и теперь они не могут выбраться. Почти все двери в аббатстве были без замков, да и большинство дверей еще не было поставлено на место.

Он снова вернулся к конюшне, почему-то уверенный, что Харита пошла именно туда. Кингфишер и Руфус, уже оседланные, ждали во дворе, и собравшиеся вокруг них кучкой конюхи что-то обсуждали, наверняка загадочное исчезновение Хариты.

Когда он подошел к ним, воцарилось неловкое молчание и несколько человек поспешно отошли в сторону. Только тогда лорд Вернем заметил малорослого мальчишку-идиота, стоящего чуть в стороне от конюхов. Одной рукой он ухватил проходившего мимо груга, а другой куда-то показывал, словно пытаясь что-то рассказать.

— Кто это? — спросил лорд Вернем старшего конюха.

— Это Чокнутый Билли, милорд. Он приходит из деревни посмотреть на лошадей, и мы не можем его прогнать. Кое-кто из наших парней жалеет его, потому что деревенские ребяташки очень обижают беднягу.

Лорд Вернем скользнул взглядом по маленькому оборванцу, но случайно услышанное слово заставило его подойти поближе.

— Повтори, Билли, что ты сейчас сказал?

Какое-то мгновение Билли не мог ничего ответить. Он испуганно смотрел на лорда Вернема, потом с трудом произнес:

— К-кошка... большая кошка!

— Где ты видел большую кошку?

Билли снова показал на другой конец двора, и лорд Вернем ласково сказал:

— Покажи мне, Билли, покажи, куда пошла большая кошка.

Бедняга не сразу понял, чего от него хотят. Потом, прихрамывая, — одна нога у мальчика была короче другой — медленно направился к проходу между зданиями. Лорд Вернем двинулся следом за ним, остальные молча стояли у конюшни.

— Покажи, куда пошла большая кошка, — настойчиво повторил лорд Вернем, когда они дошли до высокой травы.

Билли показал в самую середину зарослей. Одного взгляда было достаточно, чтобы увидеть дыру и понять, что случилось. Он не только мог видеть сломанную лестницу, но и слышать доносящееся из темноты хныканье Бобо.

Лорд Вернем закричал, и на его крик прибежали конюхи.

— Фонарь и крепкие веревки, быстро! — приказал он.

Несколько человек бросились выполнять его распоряжение. Лорд Вернем повернулся к старшему конюху:

— В колодце есть вода?

— Я даже не знаю, милорд. Никогда его не видел, этот колодец. Мы, как приехали, успели только вычистить конюшни — тут такое было!

— Я понимаю, — ответил лорд Вернем.

Он едва дождался, пока принесли фонарь и веревку. Привязав фонарь, он лег на край колодца и стал осторожно опускать его вниз. Трудно было что-то рассмотреть как следует, но ему показалось, что он видит внизу что-то белое, и он понял, что колодец не очень глубокий.

Когда принесли еще веревки, лорд Вернем велел старшему конюху держать фонарь поближе к стенке колодца, а остальным. — очень медленно опускать на веревках его самого.

На полдороге ему пришлось убрать застрявшую поперек колодца сломанную лестницу. Это оказалось несложно, но потребовалась еще одна веревка, и когда лестницу вытащили наверх, он смог опускаться дальше.

Фонарь опускался вместе с ним, и наконец лорд Вернем увидел Хариту. Она лежала на спине, закрыв глаза и широко раскинув руки. Прижавшись к ней, лежал перепуганный Бобо.

Встав на дно колодца, лорд Вернем обнаружил, что, по счастью, оно было устлано толстым слоем сухих листьев и травы. Бобо и Харита упали с довольно большой высоты, но кости были целы. Львы — прирожденные акробаты, поэтому Бобо приземлился на четыре лапы, но Харита — это совсем другое дело.

Она лежала без сознания, однако при дрожащем свете фонаря лорд Вернем смог рассмотреть, что она не ранена и руки-ноги целы.

Он крикнул, чтобы спустили еще веревку, и голос гулким эхом отдавался в узком колодце. Потом он снял галстук и обмотал им Бобо, чтобы веревка не причинила боль малышу. Львенка вытащили наверх, и лорд Вернем смог заняться Харитой.

Очень осторожно он взял ее на руки, зная, что она очень легкая, и веревки, на которых он опускался, смогут выдержать их обоих. Он прижал ее к себе, и голова девушки легла ему на плечо. Лорд Вернем смотрел на нее, не понимая, почему она все еще без сознания, и надеясь, что она не получила тяжелого сотрясения мозга.

И вдруг он почувствовал сильное, почти непреодолимое желание поцеловать ее в губы. Какое-то мгновение он был даже не в силах поверить в охватившее его чувство. Сердце бешено забило в груди, дыхание участилось, и он понял, что это новое чувство, какого он никогда не испытывал прежде.

Непроизвольно он еще крепче прижал девушку к себе и в это мгновение понял, — что любит ее. Это было так неожиданно, так ошеломляюще, что у него перехватило дыхание.

Первоначальная неприязнь к Харите потом сменилась жалостью и сочувствием, он думал о ней, как о диком зверьке, нуждающемся в его помощи и защите. И вот теперь он едва мог поверить охватившим его чувствам.

«Какое необычное место для того, чтобы влюбиться», — с улыбкой подумал лорд Вернем.

— Тащите меня! — крикнул он. — Только медленно и очень осторожно.

Работники взяли за веревки и через минуту-другую вытащили его с Харитой на солнечный свет.

— Мне забрать у вас ее милость? — спросил старший конюх.

— Нет, — ответил лорд Вернем, — развяжите веревки. Я понесу ее сам.

Прежде чем уйти домой, он велел наградить Билли.

— Накормите мальчика досыта и дайте ему шиллинг.

Он понимал, что было бы глупостью дать этому бедняге больше, деньги у него тут же отняли бы, но, чувствуя, что был недостаточно щедр, добавил:

— И пусть мальчик приходит сюда, когда захочет.

Потом он повернулся и пошел, неся на руках Хариту, как самую большую драгоценность. В аббатстве он отнес ее наверх, а лакей бросился за миссис Уильямс.

В спальне лорд Вернем положил жену на кровать и смотрел на нее, с трудом сдерживая желание привести ее в чувство поцелуем. Глаза Хариты были по-прежнему закрыты, и темные ресницы лежали на щеках.

— Я искал тебя по всему миру, — с чувством произнес лорд Вернем.

В этот момент в комнату вошла миссис Уильямс.

Харите казалось, что она находится в конце длинного, темного туннеля. Каким-то непонятным образом она двигалась к мерцающему вдали огоньку. Открыв глаза, она поняла, что свет исходит от свечей, стоявших возле ее кровати.

У нее мелькнула смутная мысль, что она уснула, почему-то не потушив их. Потом она посмотрела на полог над своей головой, на его белые шелковые занавески и услышала голос миссис Уильямс:

— Вы проснулись, миледи?

Харита с трудом сосредоточила взгляд на лице экономки и заметила, что та чем-то очень обеспокоена. Она хотела ответить, но во рту было слишком сухо. Миссис Уильямс осторожно приподняла голову Хариты и поднесла к ее губам чашку.

Харита с жадностью выпила и подумала, что, наверное, очень давно хотела пить.

Раздался звук открываемой двери.

— Мне кажется, ее милость пришла в себя, милорд, — прошептала миссис Уильямс.

Она отошла в сторону, и Харита увидела мужа.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он и коснулся ее руки.

Харита судорожно уцепилась за его пальцы.

— Я... упала... — с трудом произнесла она.

— Вы упали в колодец, когда пытались спасти Бобо, — ответил он.

— Бо... бо?

Он увидел молчаливый вопрос в ее глазах.

— С ним все в порядке, — поспешил он заверить жену. — Сейчас он сводит с ума Холдена; так что чем раньше вы поправитесь и снова станете заниматься им, тем лучше. Харита хотела засмеяться, но не могла.

— Со мной... все в порядке? Лорд Вернем кивнул головой.

— Доктор говорит, все кости целы. У вас небольшое сотрясение мозга. Наверно, это было очень страшно, но надо полежать денька два в постели, и все будет в порядке.

— Я не хочу... лежать в постели, — упрямо возразила Харита.

— Кингфишер соскучился по своей хозяйке. — сказал лорд Вернем и увидел, как заблестели ее глаза.

— Я собиралась... кататься верхом... с вами.

— Мы оба пропустили вчерашнюю поездку.

— Вчерашнюю?

— Вы пришли в себя ночью, но ненадолго. Часто бывает, что после сотрясения мозга человек теряет сознание. Это не страшно.

Харита понимала, что он старается ободрить ее, но была разочарована, что пропустила не только вчерашнюю, но и сегодняшнюю поездку верхом.

— Я хочу выздороветь... побыстрее.

— И я хочу того же. Нам всем вас не хватает.

Он заметил, что миссис Уильямс тактично вышла из комнаты. Лорд Вернем все еще держал руки Хариты и тихо сказал:

— Никогда не думал, что отсутствие одной маленькой женщины может сделать дом таким пустым и таким тихим.

— Тихим?

Он понимал, что она имеет в виду тот шум, который производили рабочие, и, глядя ей в глаза,

добавил:

— Тихим в самом главном смысле. Мне было не с кем даже поговорить за ужином, а вчера вечером так много всего надо было обсудить. И к тому же требовался ваш совет.

— Вам правда... не хватало меня?

— Гораздо больше, чем я могу сказать сейчас, — ответил он.

Она тихонько вздохнула.

— Мне кажется... обо мне никто никогда не скучал.

— А теперь довольно много людей ждут, когда вы к ним вернетесь. — Он улыбнулся и продолжал: — И к тому же есть еще Бобо. Я уверен, что он ведет себя так непослушно и так необузданно только потому, что не понимает, почему вас нет рядом. Кингфишер ждет свои морковки, а еще есть — я.

Харите показалось, что в последнем слове был какой-то особый смысл. Потом она сказала себе, что это просто вежливость.

У него так много забот, так много дел требуют его внимания, вряд ли ему действительно не хватало ее, но все-таки очень хотелось верить его словам.

— Вы совершаете такие непредсказуемые поступки, что на будущее мне, видимо, придется надевать на вас такую же цепочку, как на Скоби и Мину, — улыбнулся лорд Вернем.

— Как они... подошли? — поинтересовалась Харита.

— Лучше, чем я ожидал. Гепарды, как вы знаете, очень умны. Наверно, они решили, что если это единственный способ погулять, лучше принять его, чем все время сидеть в вольере. Был только очень трудный момент, — добавил он, — когда прямо перед Миной выскочил заяц. Она прыгнула и едва не выдернула меня из седла! Я все-таки удержал ее, но она смотрела на меня с упреком, не понимая, почему ей не разрешают поймать такую хорошую добычу.

На этот раз Харита сумела засмеяться.

— Теперь я вас оставлю, — сказал лорд Вернем. — Засыпайте, и если завтра утром доктор будет вами доволен, к вам будет допущен посетитель в лице Бобо.

— И вы... тоже придете... навестить меня?

— В этом можете не сомневаться, — заверил он ее.

У себя в спальне лорд Вернем долго стоял у открытого окна и смотрел в сад. Разве мог он представить полгода назад в Африке, что окажется здесь, в аббатстве, владельцем всего поместья и титула, на который он никогда не рассчитывал, — да еще женатым.

Он вспомнил, как яростно противился мыслям о женитьбе, когда дядя объяснил ему положение дел и рассказал об огромном долге Теобальду Муру. Он вспомнил мятежные мысли, охватившие его при виде Хариты, приближающейся к алтарю с отцом.

Он испытывал к Теобальду Муру ненависть.

Он презирал и ненавидел Теобальда Мура и в то же время пытался доказать себе, что эти чувства ничем не обоснованы, ему просто не нравится быть обязанным незнакомому человеку. Но, увидев исполосованную спину Хариты, он понял, что его ненависть основана на том самом инстинкте, который всегда помогал судить о людях и приручать диких животных.

И все же теперь он любил дочь Теобальда Мура так, как никогда не любил ни одну женщину. Оглядываясь назад, он с удивлением понимал, что женщины всегда первыми проявляли инициативу. Они ясно показывали, что желают его, что находят его неотразимым.

Харита была совсем другая.

Хотя она уже начинала доверять ему, он понимал, что одно резкое движение, одно неосторожное слово могут снова испугать ее и она отшатнется от него, как в день их свадьбы.

— Мне предстоит пройти немалый путь, пока она полюбит меня так, как я ее, — сказал себе лорд Вернем, глядя в темноту.

Он наблюдал, как над озером всходит луна, как сверкают на небе звезды, и любовался красотой аббатства. И такой же совершенной и неземной красоте самой Хариты.

Он никогда не видел у женщины таких выразительных глаз и никогда не ощущал большего удовольствия, чем наблюдать, как страх в них сменяется доверием.

«Когда-нибудь она полюбит меня», — поклялся себе лорд Вернем.

Он думал, что, хотя сейчас их отношения именно такие, как ему хотелось, просто дружеские, невозможно, чтобы в груди женщины с такими рыжими искорками в волосах не дремала неразбуженная страсть. Будет восхитительно пробудить в ней чудо желаний, научить ее восторгам страсти, искусству любить и быть любимой.

Лорд Вернем вздохнул и вернулся с небес на землю.

«Никогда не испытывал ничего подобного», — подумал он снова.

Все вокруг него казалось волшебным сном — такое неожиданное и такое прекрасное. Сам того не сознавая, он всегда хотел именно этого.

— Моя! Моя! — вслух произнес он.

Он смотрел на безмолвный сад, но его мысли были с женщиной, спавшей в соседней комнате, так близко, но отделенной от него закрытой дверью.

Через два дня Харита спустилась вниз в сопровождении возбужденного Бобо, который с некоторым усилием перебирался со ступеньки на ступеньку, но ни в коем случае не желал расставаться с хозяйкой.

— Можно, я понесу его, — попросила Харита лорда Вернема.

— Он вполне в состоянии ходить самостоятельно на четырех лапах, — ответил тот, — а вот насчет вас у меня нет такой уверенности.

— Но я чувствую себя прекрасно и вовсе не хочу, чтобы со мной нянчились, — запротестовала она.

Однако ей было так приятно, когда он усадил ее в кресло на террасе, подставил под ноги скамеечку и укрыл легким пледом.

В воздухе разливался аромат лилий и жасмина, на розах появились первые бутоны.

— Я так счастлива, — сказала она.

— Именно этого я и хочу, — отозвался лорд Вернем. — И мы отпразднуем ваше возвращение в мир цивилизации бокалом шампанского.

В этот момент на террасу вышел лакей, и Харита взяла бокал у него с подноса. Когда слуга удалился, лорд Вернем сказал:

— Я хочу выпить за свою жену.

В том, как он это сказал, и в его взгляде было что-то смутившее Хариту.

— Это я должна пить за вас, — возразила она, — потому что вы нашли и спасли меня.

— Эта заслуга принадлежит не мне. Нашел вас Билли.

— Билли?

Он рассказал ей о мальчике-дурачке, и Харита попросила:

— Не могли бы мы... что-нибудь для него сделать?

— Я уже узнал, что можно сделать.

Она бросила на него взгляд.

— Я должна была... догадаться.

— Его осмотрел наш доктор. Он считает, что его мозг был поврежден при рождении.

— Значит, ничего нельзя сделать?

— Боюсь, что так, но я велел, чтобы его кормили, и дал родителям денег, чтобы о нем лучше заботились.

Харита вздохнула:

— Никогда не думала, что бывают такие добрые люди... как вы.

— Таких людей очень много, — ответил лорд Вернем. — Просто вы их не встречали.

— Вчера я подумала, что все могло сложиться иначе, если бы я вышла замуж за вашего кузена... Жервеза.

— Забудьте о нем! — резко перебил ее лорд Вернем. — Я не хочу, чтобы вы даже думали о нем.

— Я просто очень благодарна... что вы другой. Сначала я вам не поверила.

— А теперь?

— Я знаю, что вы совсем не похожи ни на одного мужчину, которого я встречала, я даже не предполагала, что такие бывают.

Ее голос дрогнул, лорд Вернем заметил это и склонился к жене, взяв ее за руку.

— Я рад не только потому, что вы считаете меня другом, но и потому, что вы вообще думаете обо мне.

Он поцеловал ей руку и почувствовал, как она на мгновение удивленно замерла, но руку не отняла.

— Вам не кажется, что здесь станет скучно... и вам захочется... уехать в Лондон?

Лорд Вернем удивленно посмотрел на нее:

— Почему такая мысль вдруг пришла вам в голову?

Она отвернулась, но он был уверен, что в глазах Хариты застыло беспокойство.

— Папа однажды сказал, что мужчину всегда интересует что-то новое, что его уму постоянно нужны новые впечатления. Я подумала... достаточно ли вам аббатства и... животных.

— Здесь есть кое-что еще, что меня очень интересует, — ответил лорд Вернем, — то, что дает пищу моему уму и еще очень долго будет увлекать и очаровывать меня.

— Что же это? — любопытствовала Харита.

— Вы!

Секунду она смотрела на него, думая, что он шутит. Потом поняла, что он говорит серьезно, и залилась ярким румянцем.

— Мы же решили, что будем друзьями, а друзья, позвольте заметить, не только размышляют, но и все делают вместе, у них общие интересы, общие радости.

— Вы чувствуете такое... ко мне?

Она произнесла эти слова так тихо, что он едва расслышал.

— Мне нравится все, что мы делаем вместе, — сказал лорд Вернем. — А больше всего мне нравится быть рядом с вами.

С этими словами он снова поцеловал ей руку, потом встал и подошел к балюстраде, словно заинтересовавшись чем-то на озере.

Она ничего не сказала, но он знал — ей хочется, чтобы он говорил еще, его слова удивили и взволновали ее. Долгий опыт общения с дикими животными научил лорда Вернема, что лучший способ привлечь внимание животного — не обращать внимания или отойти от него. Добиваясь любви Хариты, он понимал, что прежде всего он должен возбудить интерес к себе, желание быть рядом, слушать то, что он говорит об их отношениях. С усилием, потому что, оказываясь рядом с женой, ему неудержимо хотелось обнять ее, он произнес:

— Интересно, Белла когда-нибудь скучает по Бобо? Львы — странные звери: они заботливые матери, два года кормят своих малышей, отважно сражаются, чтобы защитить их. Но когда

детеныш умирает, они, похоже, не слишком переживают.

Бобо сидел рядом с креслом Хариты, она наклонилась и взяла его на руки.

— А я бы скучала по Бобо... ужасно скучала, если бы он умер или его куда-то забрали.

Она прижалась головой к мягкой, лохматой голове львенка. Лорд Вернем ничего не ответил, и немного погодя она спросила:

— А вы бы разве не скучали по нему?

— И в половину не так, как если бы вы оставили меня.

Он не обернулся, говоря эти слова, но чувствовал, что Харита смотрит на него широко раскрытыми от удивления глазами.

К вечеру небо закрыли темные тучи. Было жарко и душно.

Миссис Уильямс, готовя постель Харите, предсказала грозу.

— Здесь они бывают такие сильные, миледи. Я частенько боюсь, как бы молния не ударила в аббатство. Может, на нем благословение Божье, потому что всегда обходится.

— Я не люблю гром и молнию, — призналась Харита. — Однажды дома молния ударила в трубу на крыше. Было так страшно.

— Еще бы, миледи, но здесь вам этого бояться не надо. Я задую свечи?

Харита надеялась, что лорд Вернем придет пожелать ей спокойной ночи, хотя они уже попрощались, когда он проводил ее наверх перед ужином.

— Поешьте чего-нибудь легкого и ложитесь спать, — велел он.

— Но я здорова и ничуть не устала, — запротестовала Харита.

— Вы должны слушаться врача, — твердо сказал лорд Вернем. — Завтра, если будете хорошо себя вести и обещаете не переутомляться, сможете остаться ужинать.

— Вы просто не понимаете, что я такая же сильная, как ваши львы!

— Но не такая же быстрая, как гепарды, — пошутил он, — и не такая же шумная, как попугаи.

Харита рассмеялась.

Горацио ругал лакеев самыми скверными словами, и дворецкий пожаловался, что если птица останется в холле, будет просто невозможно поддерживать дисциплину.

— Они не могут удержаться от смеха, — объяснил лорд Вернем, рассказывая об этом Харите. — Мне лично кажется, что это вносит в жизнь аббатства приятное разнообразие, которого ему не хватало в прошлом.

— Я очень люблю слушать его, — улыбнулась Харита.

— Тогда и речи быть не может, чтобы убраться Горацио, — пообещал лорд Вернем.

Она благодарно улыбнулась.

«Он такой добрый», — подумала Харита. Потом, потому что действительно устала, хотя и не хотела сознаться в этом, быстро уснула.

Лорд Вернем проснулся от оглушительного раската грома и молнии, сверкнувшей за открытым окном спальни. Это напомнило ему о грозах, которые пришлось пережить в Африке, но теперь у него над головой была надежная крыша. Ему нередко доводилось проснуться в рухнувшей, насквозь промокшей палатке и обнаружить, что все его пожитки уносит бурный поток, возникший от тропического ливня.

Дождь за окном только начинался, но лорд Вернем знал, что когда он хлынет в полную силу, станет заливать в окно и на полу будет лужа. Он встал, чтобы закрыть окно, и в этот момент дверь в комнату Хариты открылась.

— Б-бобо... боится.

Ее голос слегка дрожал, и лорд Вернем спросил:

— А вы?

— Я... тоже, — призналась она. — Там очень... шумно.

Раскат грома заглушил ее слова.

Лорд Вернем запер окно и увидел ее, в белой ночной рубашке, с распущенными по плечам волосами и с Бобо на руках. Она была так хороша, что у него перехватило дыхание, и он с трудом удержался, чтобы не подойти и не обнять ее.

— Надо дать Бобо бутылочку молока, — предложил он.

— У меня в комнате есть, — ответила Харита. — Холден принес ее четверть часа назад, но Бобо даже не притронулся к ней. Он слишком напуган.

Бобо спрятал мордочку у нее на груди и жалобно повизгивал, трясаясь от страха.

— Я посмотрю, что можно сделать, — пообещал лорд Вернем. — Садитесь на кровать, а еще лучше — залезайте под одеяло. Я принесу бутылочку.

С этими словами он вышел из комнаты и тут же вернулся с бутылкой в руках. Молоко было еще теплым. Лорд Вернем присел на край кровати. Харита сидела, прислонясь к подушкам, и гладила Бобо.

Очередной раскат грома заставил ее вздрогнуть, и она с тревогой взглянула на лорда Вернема.

— Дайте мне его, — спокойно сказал он. — Мне кажется, что ваш страх пугает его еще больше. — Он забрал львенка.

— Конечно, это глупо с моей стороны, но девочкой я боялась грозы, и папа, чтобы научить меня быть храброй, не разрешал мне иметь ночничок. Он заставлял меня оставаться в спальне одной и не разрешал задергивать занавески на окнах.

Чем больше лорд Вернем узнавал о Теобальде Муре, тем отвратительнее казался ему этот

человек. Но он ничего не сказал и попытался покормить Бобо, однако у него тоже ничего не получилось. Наконец он спустил львенка на пол и тот немедленно исчез под кроватью.

— Там ему будет лучше, — сказал лорд Вернем. — Дикие животные всегда чувствуют себя защищенными под чем-то низким. Поэтому Белла прячет детенышей под кустами, а в джунглях они забираются под камень или в пещеру.

Говоря это, он смотрел на Хариту и чувствовал, как стучит кровь в висках и как бешено бьется сердце. Но он знал, что она так спокойна только потому, что доверяет ему.

Сквозь тонкую ткань ночной рубашки он видел очертания ее груди и думал, что ни одна женщина не может выглядеть более чистой и невинной и в то же время такой желанной.

Ее волосы блестели при свете свечей, а глаза на лице выглядели большими и испуганными.

Еще один раскат грома заставил задрожать всю комнату, и Харита невольно бросилась к лорду Вернему, который обнял ее и прижал к себе. Она спрятала лицо у него на плече, и он чувствовал, что она дрожит. Но не так, как в ночь свадьбы. Она боялась, но это был чисто физический страх, а не тот, который заставил ее броситься в озеро.

— Вы в полной безопасности, — сказал он, надеясь, что голос не выдаст его волнения. Это была радость и в то же время страдание — держать ее так близко. Ее волосы пахли цветами, и губами он ощущал их нежную шелковистость. Сердце лорда Вернема громко стучало в груди, и он боялся, что она услышит этот стук.

Теперь дождь лил как из ведра, с почти тропической яростью.

— Гроза кончается, — сказал лорд Вернем.

Но, говоря это, он надеялся, что стихия еще помедлит и он сможет какое-то время держать Хариту в своих объятиях.

Однако следующий раскат грома раздался уже где-то в отдалении, и она подняла голову.

— Уже проходит... мы в безопасности, — тихо сказала Харита.

— В полной безопасности, — заверил он ее.

Она шевельнулась, и он тут же разжал объятия.

— Мне... мне очень стыдно.

— Вот это совсем лишнее.

— Я знала... что с вами я буду в безопасности.

— Для этого и существуют мужья — и для многого другого.

Харита хотела было спросить, что он имеет в виду, но вместо этого сказала:

— Я... мне нужно идти к себе в комнату.

— Вам не нужно спешить.

Интересно, что она скажет, если он попросит ее остаться, если признается, что больше всего на свете хочет всю ночь держать ее в своих объятиях, целовать, любить ее, сделать ее действительно своей.

Наконец, когда слова были уже готовы сорваться с его губ, когда он почувствовал страстное, почти неудержимое желание овладеть ею, он сказал себе, что еще слишком рано.

Страх, заставивший ее попытаться убить себя, сменился дружбой, но часть его, пусть скрытая, все еще оставалась. В этом он был уверен. Он не мог рискнуть потерять ее доверие, разрушить ее веру в него.

Станным, не похожим на обычный голосом, он произнес:

— Я хочу пожелать вам спокойной ночи. Завтра нас ждет много дел. Если вы уже можете уснуть, я отведу вас в вашу комнату.

— Гроза почти кончилась, и гром умолк, — ответила Харита.

Действительно, гром почти совсем стих в отдалении.

— Если вы боитесь, возвращайтесь ко мне.

— Я не хочу вас беспокоить. Я бы и не пришла, если бы не увидела свет у вас под дверью.

— Мне было бы приятно думать, что вы все равно бы пришли, потому что испугались и знали, что со мной вы будете в безопасности.

— Я знала это.

— Знайте, что если я понадобится, я всегда жду вас, — медленно произнес лорд Вернем.

Она посмотрела ему в глаза и замерла. В его голосе, в выражении его лица было что-то, чему она не могла найти названия.

С ней самой происходило что-то странное, и сердце вдруг сильно забилося. Она смущенно отвернулась.

— А Бобо... он пойдет со мной?

— Только попробуйте его оставить, — пошутил лорд Вернем.

Харита встала с кровати. Она стояла напротив свечей, и сквозь тонкий муслин ночной рубашки он видел все изгибы ее стройного тела.

У него снова перехватило дыхание и застучало в висках. Руки сами сжались в кулаки. Он смотрел, как Харита идет к двери. Только когда она ее открыла, под кроватью раздался какой-то шорох, оттуда выкатился меховой шар и резво помчался к Харите.

— Он пошел со мной! — с гордостью сказала она.

Лорд Вернем медленно встал и сказал себе, что это хороший знак на будущее.

Глава 6

Харита поспешно вошла в столовую, держа в руках какой-то сверток. Увидев сидящего за столом лорда Вернема, она воскликнула:

— О, а я так надеялась прийти первой!

Он встал, улыбаясь, и она, подойдя к нему, смущенно произнесла:

— С днем рождения! А это подарок для вас.

— Подарок для меня? — удивленно переспросил он. — Откуда вы узнали, что у меня день рождения?

— Мне сказала миссис Уильямс, и я приготовила кое-что, надеюсь, вам понравится.

Лорд Вернем развернул сверток и увидел пару домашних туфель из черного бархата с его искусно вышитой монограммой и короной. Вышивка была очень красивая.

— Вы сделали это сами? — спросил он.

— Да, — ответила Харита. — Было очень трудно сделать так, чтобы вы ничего не заметили. Я хотела, чтобы подарок был сюрпризом.

— И еще каким сюрпризом! — ответил он. — Большое спасибо, Харита. Я уже много лет не получал подарков.

— И они вам нравятся... правда нравятся?

— Я буду чувствовать себя в них величественным и роскошным и буду их очень беречь, потому что вы их сделали своими руками.

Что-то в его словах заставило ее опустить глаза. Она действительно приложила немало усилий, чтобы подарить ему эти шлепанцы. Холден купил их, зная размер лорда Вернема, а миссис Уильямс научила ее вышивать золотой нитью. Харита всегда хорошо вышивала, но никогда не пыталась сделать что-нибудь для мужчины и побаивалась, что лорд Вернем сочтет их чересчур кричащими.

— Мне казалось, я слишком стар, чтобы вспоминать о своем дне рождения, но вы сделали этот день праздником.

— Но только будьте осторожны, смотрите, чтобы Бобо их не съел, — предупредила Харита. — Миссис Уильямс запирает все мои туфли в шкаф или кладет их на стул. Бобо с каждым днем безобразничает все больше.

— Он учится охотиться, — объяснил лорд Вернем, — но обещаю, что ваш чудесный подарок я буду держать подальше от него.

Харита села за стол, и лакей внес серебряные блюда.

— А теперь давайте решим, как мы отпразднуем это знаменательное событие. Я думал, мы сегодня утром прогуляем гепардов, а заодно посмотрим, как дела на одной из ферм, но, может, вы хотите чего-то еще?

— Мне бы очень этого хотелось, — ответила Харита. — И к тому же это ваш день рождения, а не мой.

— Когда настанет ваш, мы его непременно отпразднуем, — пообещал он. — И я постараюсь, чтобы мой подарок превзошел ваш. Только не могу представить, что я сумею сделать для вас.

— Женщине можно подарить много разных вещей, а вот с мужчинами гораздо труднее.

— Я думаю, когда вы узнаете меня лучше, вы обнаружите очень много вещей, которые мне необходимы, — ответил он. — Особенно от вас.

Она вопросительно посмотрела на него, не совсем понимая, о чем идет речь, но он заговорил о другом. Сразу после завтрака они поехали кататься в парк, и каждый держал гепарда на длинной тонкой цепочке.

На ферме нужно было многое посмотреть, и в аббатство они вернулись только к обеду. За едой лорд Вернем понял, что повар особенно постарался, видимо, распорядилась Харита. После обеда они вышли на террасу.

Два кресла стояли рядом, и, усадив в одно из них жену, лорд Вернем опустился в соседнее. В этот момент на террасе появился лакей с запиской на серебряном подносе.

— Что это может быть? — удивился лорд Вернем.

Он прочитал записку и нахмурился.

— Что такое? Что случилось? — спросила она.

— Это от человека, который возглавляет работу по восстановлению северной фермы. Он пишет, что от сырости и запущенности одна из главных стен дома рухнула. Мне придется поехать туда и посмотреть, что можно сделать.

— Я поеду с вами?

Лорд Вернем на мгновение заколебался, но ответил:

— Мне кажется, вы сами согласитесь, что на сегодня поехали верхом вполне достаточно. Я поеду один и постараюсь вернуться как можно быстрее.

Она была разочарована, но должна была согласиться, что действительно устала. Хотя с того времени, как она упала в колодец прошла почти неделя, у нее на спине еще были видны синяки, сменившие те, что остались после побоев отцом.

— Пусть оседлают Блэк Найт, — распорядился лорд Вернем.

— Будет сделано, милорд, — ответил лакей.

Харита знала, что Блэк Найт самая быстрая лошадь в конюшне. Его купили совсем недавно, и если бы она поехала с мужем, ее лошадь по скорости и выносливости явно уступила бы этой. Больше того, на Кингфишере ехать сейчас было бы невозможно, потому что его хорошенько выгуляли после обеда.

— Хорошо, я останусь дома, — вздохнула она, но глаза ее говорили яснее слов.

— Когда я вернусь, — пообещал лорд Вернем, — я прочитаю вам рассказ про любовь двух слонов.

— Двух слонов? — удивилась Харита.

— Я написал его после того, как мне рассказали одну историю.

— Сами написали рассказ?

Лорд Вернем улыбнулся:

— Я открою вам одну тайну. Я уже давно собираюсь написать книгу о животных.

— Как интересно! — воскликнула Харита. — Мне бы так хотелось, чтобы вы почитали мне эту книгу!

— Я ее пока не закончил. Есть еще много интересных историй о преданности животных, которые непременно нужно записать. Возможно, они помогут людям лучше понять животных.

— Он помолчал и добавил: — Признаться, я думал, что мы могли бы сделать это вместе.

— Мне еще никогда не предлагали делать такое интересное дело! — обрадовалась Харита. — Пожалуйста, возвращайтесь поскорее и прочитайте мне про слонов.

— Их звали Ханс и Парки, — сказал лорд Вернем, — и они так любили друг друга, что когда Ханс умер, Парки стала угасать на глазах. Через год она умерла, и никто не сомневался, что она умерла от разбитого сердца.

— Я хочу узнать про них все-все.

— Тогда я буду очень спешить, раз знаю, что вы меня ждете.

С этими словами лорд Вернем поцеловал жене руку. Когда он поднял голову и посмотрел ей в глаза, Харита без слов поняла, что он хочет ей что-то сказать. Она не поняла, что именно, но почувствовала странное волнение. Когда он ушел, Харита осталась на террасе одна с Бобо, спавшим у нее под креслом, и взяла его на руки. Он уже заметно подрос и, хотя его голова и лапы все еще были непропорционально большими, стал очень красив. У него появилась привычка склонять голову набок, когда Харита разговаривала с ним, и внимательно слушать. Ей это казалось просто очаровательным.

— Как было бы хорошо, если бы мы могли с ним поехать, — с сожалением вздохнула она.

Бобо немного подумал, потом попытался отгрызть пуговицы с ее платья. Харита лишила его этого удовольствия, перевернув кверху лапами. Она стала чесать львенку животик, он это очень любил.

— Я тебя порчу, — говорила она. — Ты уже слишком большой, чтобы с тобой так нянчиться. Скоро тебе придется самому о себе заботиться.

И все же Бобо был еще слишком мал и быстро уставал. Скоро он уснул у Хариты на руках, и она машинально поглаживала малыша, глубоко погруженная в собственные мысли.

Она думала о лорде Вернеме, пыталась догадаться, понравится ли ему именинный торт, который она велела испечь для него. Если он столько лет не получал подарков, то и именинных тортов у него тоже наверняка не было!

Она услышала, как на террасу вышел лакей.

— Мистер Теобальд Мур, миледи! — объявил он.

Харита испуганно оглянулась и увидела подходящего к ней отца.

— Добрый день, Харита. Насколько я понимаю, ты одна. Ну что же, прекрасно! У нас есть возможность поговорить.

— Я не ожидала... видеть тебя... папа.

Харита хотела было встать, но он положил ей руку на плечо.

- Не вставай. Я вижу, ты удобно устроилась, несмотря на это существо у тебя на коленях.

— Это львенок, папа.

— Я так и понял. Твой муж говорил, что собирается завести здесь, в аббатстве, зверинец, но я не предполагал, что он будет держать диких зверей прямо в доме.

— Бобо еще совсем маленький, и нам пришлось выкармливать его самим, чтобы он не умер.

— Ты знаешь мое мнение по поводу домашних животных, — холодно произнес Теобальд Мур, — Я вовсе не намерен тратить время на их обсуждение, предпочитаю говорить о тебе, Харита.

— Обо мне?

— У меня есть для тебя интересные новости.

— Какие же?

— Я только что вернулся из Лондона — смотрел, как идет ремонт и восстановление Вернем-Хауса.

Она удивленно посмотрела на отца.

— Там последний лорд Вернем и его сын жили, когда уезжали из аббатства. Он не принадлежал к майорату, и я купил его несколько лет назад, но работа там предстоит немалая.

Харита промолчала, и Теобальд Мур продолжал:

— Я думал о твоём будущем и представлял воспроизведенный Вернем-Хаус, как интересно мы будем проводить с тобой там время.

Харита с недоумением смотрела на него.

— Но я не понимаю, папа... Альварик не любит... Лондон.

— Я могу это понять, — ответил Теобальд Мур. — Он всегда жил за границей и несомненно собирается делать это и дальше.

— Но мне кажется... — неуверенно начала Харита, — что мой муж собирается... жить здесь. Он любит аббатство.

Говоря это, она посмотрела на отца, и ей показалось, что он недоверчиво усмехается.

— Моя дорогая Харита, — ответил он, — ты слишком молода и наивна. Конечно, сейчас твоему

мужу нравится здесь, в аббатстве. Кто же откажется потратить такую огромную сумму, чтобы вернуть этому дому былое величие — но тебе никогда не приходило в голову: а что же будет, когда работы закончатся? — Он не стал дожидаться ответа и продолжал: — Как только все будет закончено, а у него родится наследник, я совершенно уверен, что мой зять снова отбудет за границу. Путешественник всегда остается путешественником. И Вернем не будет исключением!

— Ты хочешь сказать... что он оставит меня?

— Ну разумеется, не официально. Он, конечно, будет время от времени возвращаться, чтобы дать тебе еще одного ребенка, он должен иметь много сыновей, которые займут его место после его смерти.

— Его дядя сделал ошибку, обзаведясь всего одним, — прищурившись заметил Теобальд Мур. — Не думаю, что твой муж будет так же глуп и второй раз поставит под угрозу наследование титула.

Говоря это, он не смотрел на дочь, иначе заметил бы ужас в больших глазах Хариты.

— Я хочу сказать, — продолжал Теобальд Мур, — что когда это случится, ты займешь свое законное место в обществе. И я буду рядом, чтобы помогать и направлять тебя. Я думаю, в великолепных парадных комнатах Вернем-Хауса мы сможем создать Салон, в котором с удовольствием будут собираться лучшие умы общества.

Как всегда, когда с ней разговаривал отец, Харита почувствовала, что теряет способность думать самостоятельно. Он словно гипнотизировал ее, а то, что он говорил, было настолько ужасно, казалось, это случится вот-вот.

— Я всегда хотел встретиться и побеседовать с некоторыми людьми, — говорил Теобальд Мур, — но у меня не было возможности познакомиться с ними, потому что меня не допускали в их круг. — Б его голосе звучало возбуждение. — Но когда мы с тобой поселимся в Вернем-Хаусе, все изменится.

— Н-но папа... я не хочу в Лондон... и я не верю, что Альварик оставит меня... или аббатство.

Теобальд Мур бросил на дочь взгляд, полный презрения.

— Неужели ты всерьез думаешь, что можешь удержать такого мужчину? Что ты можешь предложить ему кроме денег — которые уже и так принадлежат ему? — Он неприятно засмеялся.

— Всем Вернам нравятся женщины, и они нравятся женщинам, и я легко могу представить себе тех экзотических райских птиц, с которыми твой муж общался на Востоке.

Харита издала испуганное восклицание, и он жестоко продолжал:

— Я видел лицо Верна во время свадьбы и знал раньше, когда говорил, что он должен жениться на тебе или дать аббатству окончательно разрушиться, что сама мысль об этой женитьбе казалась ему отвратительной. Смотри правде в глаза, а еще лучше — оставь все мне, я сам позабочусь о тебе, как делал это всегда.

Харита чувствовала себя раздавленной и была не в состоянии сопротивляться. Слова отца больно ранили ее. Она уже представляла себе, как Альварик покидает ее, уезжает за границу,

возможно, забирает с собой животных, потому что без него им будет одиноко.

А ее оставят.

Как сказал отец, лорд Вернем не захочет ее и вернется к прекрасным иностранкам, которые его привлекают и которых он, несомненно, любил. Почему-то до этого момента она никогда не задумывалась о роли женщин в его жизни.

Теперь она поняла, какой была глупой и невежественной, если могла не понять, что мужчина в возрасте Альварика, такой красивый, сильный и привлекательный, имел за свою жизнь множество женщин.

Он, казалось, искренне хотел быть ее другом, но не предложил свою любовь. И в конце концов, как сказал отец, почему он должен ее любить?

Мысль о браке казалась ему не менее отвратительной, чем ей самой, и вполне возможно, что он обращается с ней так только потому, что добр, и понимает, как необходима ей эта доброта.

— Теперь ты замужняя женщина, — говорил Теобальд Мур, — и мне не нужно разговаривать с тобой, как с глупой девчонкой. Надо видеть жизнь такой, какая она есть, а не такой, как ее изображают в дурацких романах.

Он помолчал и продолжал:

— Вернем оставит тебя, возможно через год, и тебе придется строить собственную жизнь. То, что я предлагаю, будет очень интересно и откроет все двери, которые в прошлом всегда оказывались закрытыми.

В его голосе зазвучали знакомые Харите нотки. Так он раньше говорил о том, что она станет хозяйкой аббатства Вернем, титулованной леди. Теперь, достигнув своей первой цели, он желал идти дальше.

Она ясно представляла себе ту жизнь, которую, по его мнению, они должны будут вести в Лондоне: посещать блестящие балы и ассамблеи, давать роскошные приемы, на которых она, робкая и испуганная, будет вынуждена играть роль хозяйки. Все ее существо отчаянно возражало против этого, но, спрашивала себя Харита, если то, что говорит отец, окажется правдой и она останется совсем одна, сможет ли она жить в аббатстве без Альварика, ведь даже Бобо не будет рядом, чтобы утешить ее.

Но разум подсказал ей спасительный выход, хотя бы на время. Отец сказал, что муж не оставит ее, до тех пор как она не родит наследника, но пока это было совершенно невозможно. Харита немного приободрилась. Во тьме вспыхнул, пусть совсем слабый, лучик света. Словно догадавшись о ее мыслях, Теобальд Мур сказал:

— Особой спешки, разумеется, нет. До следующего года это невозможно. Ты беременна?

Вопрос прозвучал для Хариты, как пистолетный выстрел. Она была слишком напугана, чтобы сказать ему правду, лишь покраснела и опустила глаза.

— Конечно, еще слишком рано, чтобы быть уверенным, — заметил мистер Мур. — Но тебе лучше позаботиться о том, чтобы было кому все это унаследовать. Все эти работы обошлись тебе очень недешево.

— Это теперь... деньги Альварика.

Харита произнесла это очень тихо, но с вызовом в голосе. Теобальд Мур расхохотался:

— Как истинный Вернем, он об этом позаботился! Но твои нужды я вполне могу обеспечить, а если это будет касаться моих планов на будущее, я выпишу тебе чек на любую сумму.

Харита понимала, что он ждет от нее благодарности, но слова не шли с губ.

Отец недовольно заговорил, словно желая дать ей почувствовать свою вину:

— Надеюсь, ты сама понимаешь, что мне следует предложить какое-то угощение? Я вижу, около тебя есть колокольчик. Неплохо было бы им воспользоваться.

— Д-да... папа... конечно... извини. Она позвонила в стоявший на столе золотой колокольчик, и тут же появился лакей.

— Что бы ты хотел выпить? — спросила она отца.

— Днем я не пью ничего, кроме шампанского, — ответил Теобальд Мур.

Отец и дочь сидели молча, пока на террасе не появился дворецкий в сопровождении двух лакеев. Один нес поднос с двумя бокалами, другой — ведро со льдом, в котором стояла бутылка шампанского.

Дворецкий появился спустя лишь несколько мгновений, и Харита поняла, что, должно быть, все было готово заранее. Она подумала, что оказалась очень невнимательной и даже не предложила чего-нибудь выпить ее первому посетителю. Ее приводила в ужас одна мысль о той роли, которую уготовил ей отец, — быть хозяйкой в лондонском доме. Как может она справиться с этим? Ей было страшно даже подумать о будущем без Альварика, без его доброты, заботы, без его дружбы.

Потом перед ее глазами почти как живые возникли женщины, о которых говорил отец; женщины, так непохожие на нее саму: с длинными черными волосами, огромными блестящими тазами, красивые, страстные, ждущие.

Разве возможно, чтобы после них он хоть на мгновение заинтересовался кем-то таким маленьким, таким робким и незначительным, как она?

Но она была так счастлива, так счастлива эти последние дни, что совсем забыла страх и неуверенность. Но оказалось, что и сейчас, как и до ее замужества, страх перед отцом полностью парализует ее волю, лишает сил сопротивляться ему.

Однажды Харита сделала такую попытку, убежала из дома из страха перед замужеством, и сейчас она заново пережила страдания, которые перенесла, когда ее избил отец. Ее мучила не только физическая боль, но и чувство унижения, такое сильное, что она едва не теряла сознание. Она снова услышала свои рыдания, когда кто-то, вероятно отец, отнес ее в спальню и бросил на кровать. Она была уже не в состоянии кричать, только плакала до тех пор, пока мисс Доусон не дала ей успокоительного, но даже во сне она видела себя в слезах, а проснувшись, поняла, что это правда.

«Я не могу бороться с отцом», — сказала она себе сейчас.

Она не смела даже смотреть на него, сидящего рядом и потягивающего шампанское с усмешкой, делавшей его лицо еще более зловещим и пугающим, чем гнев.

Он допил шампанское, поставил бокал и встал.

— Я оставляю тебя, — сказал он. — Подумай о том, о чем я говорил. Тебе нужно продолжать учебу. Не запускай свой французский — он очень важен для светской дамы, интересующейся политикой. И следи за текущими событиями. Я полагаю, вы получаете «Таймс» и «Морнинг пост»?

— Наверно... да.

Она вспомнила, что после приезда в аббатство ни разу не читала газеты, хотя знала, что Альварик делает это регулярно.

— Видимо, мне придется составить список того, чем тебе следует заниматься, а к нашей следующей встрече я подготовлю вопросы, чтобы убедиться, что ты читаешь не меньше, чем дома, и именно то, что необходимо.

Теобальд Мур пренебрежительно взглянул на дочь и резко произнес:

— Твои учителя всегда говорили, что ты умна. Ну что же, для того, чтобы играть ту роль, которую я тебе предназначил, тебе понадобится весь твой ум.

— Д-да, папа, — дрожащим голосом с трудом произнесла Харита.

— И первое, что ты должна сделать, — он бросил взгляд на Бобо, — избавиться от этого неприятного и опасного животного. Если он тебе нравится, можешь держать его в клетке и пусть им занимаются слуги, но никаких личных контактов. Это приказ!

— Д-да, папа.

Она была вынуждена согласиться. Было невозможно возражать ему.

Не дожидаясь пока она встанет с кресла, Теобальд Мур повернулся и вошел в дом. Харита знала, что должна пойти следом, проводить до дверей и помахать рукой на прощание, но не могла двинуться с места.

Вместо этого она взяла на руки Бобо и прижалась к нему лицом.

— Ох, Бобо... Бобо... что же мне делать? — прошептала она.

И слезы полились ручьем.

Возвращаясь домой, лорд Вернем заставлял Блэк Найт бежать так быстро, как тому еще не доводилось. Ему пришлось провести на Северной ферме гораздо больше времени, чем он предполагал, и он понимал, что Харита уже волнуется, почему он так долго задержался и не случилось ли с ним несчастье.

Ему так хотелось снова увидеть ее. Если бы он знал, что задержится так надолго, то отложил бы поездку до завтра, и они смогли бы поехать вместе.

Действительно, от сырости и отсутствия присмотра, несущая стена фермы рухнула, и теперь

речь шла не о ремонте, а о строительстве дома заново. Это придется сделать, но обойдется такое строительство недешево, а рабочие не могут менять планы без его распоряжения.

Когда в половине шестого вечера они галопом примчались в аббатство, Блэк Найт был весь в пене.

«Надеюсь, Харита не стала меня дожидаться», — подумал он.

Войдя в дом, лорд Вернем спросил у одного из лакеев:

— Где ее милость?

— Она в Длинной галерее, милорд.

Лорд Вернем стал подниматься, перешагивая через ступеньку. Ему только хотелось, чтобы Харита с таким же нетерпением, как он, ждала их встречи. Он чувствовал себя мальчишкой, влюбленным первый раз в жизни, все мысли его были заняты женой.

Длинная галерея была одним из самых красивых помещений дома. В середине одной из стен находился огромный средневековый камин из камня, а перед ним два больших дивана. На стенах висели портреты Вернов, знамена, захваченные ими в битвах, а также коллекция бесценного фарфора, хранившаяся в аббатстве уже два века.

Харита одиноко сидела на одном из диванов, перед ней на столике был накрыт чай: серебряные чайники на красивом подносе, фарфоровые чашечки и блюда с самыми разнообразными лакомствами. Рядом со всем этим лорд Вернем сразу заметил большой именинный торт, на котором розовой глазурью были написаны его имя и возраст.

— Извините меня, Харита. Я постарался вернуться как можно быстрее, но дела на ферме оказались гораздо хуже, чем я ожидал.

Он подошел к ней поближе, и выражение его лица изменилось.

— Что случилось? — быстро спросил он. — Чем вы расстроены?

На мгновение он было решил, что умер Бобо. Он не мог даже предположить, что еще способен привести ее в такое состояние.

— Ничего... Я очень рада... что вы вернулись, — безразличным тоном проговорила Харита.

Лорд Вернем сел рядом и взял ее за руку.

— Но вас что-то беспокоит, и я хочу знать, что именно.

В ответ она лишь покачала головой и отвернулась. Губы ее дрожали.

— Но вы должны сказать мне, — настаивал лорд Вернем. — Когда я уезжал, вы были веселой. Неужели вы рассердились на меня за то, что я не смог вернуться так скоро, как обещал?

— Н-нет... нет, не поэтому.

— Так почему же?

Он подумал, что она так и не ответит, но Харита все же с трудом произнесла:

— П-папа... заходил... навестить меня.

Лорд Вернем замер. Этого он не ожидал.

— Ваш отец? Что же он мог сказать, чтобы так вас расстроить?

— Я не могу... сказать вам.

— Но вы должны сказать.

Тут он заметил слезы в ее глазах и понял, что выбрал неверный путь. Инстинкт, к которому он всегда прислушивался, подсказал, что она напугана. Одного взгляда, брошенного на жену, было достаточно, чтобы понять, что она в такой же панике, как в день их свадьбы.

Но что же напугало ее?

Она же не может не понимать, что теперь, когда она замужем, отец больше не имеет над ней никакой власти. Однако было ясно одно — Харита не хочет открыть ему причину страха.

Сделав над собой усилие, лорд Вернем весело произнес:

— Торт! Вы действительно заказали для меня именинный торт? По-моему, в последний раз он у меня был, когда я учился в Итоне.

— Я... я надеялась... что вам понравится.

— Он просто чудесный. Я уверен, что повар будет очень разочарован, если мы его не разрежем.

Он встал, разрезал торт и положил по куску себе и Харите.

Усевшись на место, лорд Вернем почувствовал, как кто-то трется об его ногу, и увидел Бобо. Нагнувшись, он погладил львенка и сказал:

— Я сердит на Бобо, что он не заботится о вас как следует, пока меня не было дома. Иначе у вас не было бы такого горестного выражения лица, а меня бы ожидала такая встреча, к какой я уже привык.

- Извините... — пробормотала Харита, наливая мужу чай.

Ему показалось, что она вот-вот расплачется.

— Чай не слишком крепкий? — обеспокоенно спросила Харита.

— Согласен на любой. Я понимаю, что он стоит довольно давно.

— Я думала... вы вернетесь... в половине пятого.

— Ваш отец не остался к чаю?

— Нет.

— Зачем он приезжал?

— Он был... в Лондоне.

— Он просил что-нибудь мне передать?

— Нет.

Она усложняет ситуацию, подумал лорд Вернем, понимая, что Харита делает это не нарочно. Случилось что-то, превратившее ее из веселой, улыбающейся женщины, которую он оставил дома после обеда, в то испуганное существо, которое сидело перед ним.

Лорд Вернем украдкой посмотрел на жену и понял, что уже видел это выражение лица и надеялся больше никогда не увидеть.

Он попробовал торт и снова положил на тарелку.

— Как вкусно! У вас есть еще для меня сюрпризы?

— Боюсь... что нет.

— Тогда, может быть, хотите послушать о моей новой книге? По дороге домой я думал, что вам должна очень понравиться история про двух слонов, которые так преданно любили друг друга.

Харита вскочила.

— Нет! — крикнула она. — Я не могу слышать... о них... сегодня... только не сегодня!

Она закрыла лицо руками, повернулась и выбежала из Длинной галереи прежде, чем он успел остановить ее.

Только оставшись один, он в первый раз в жизни почувствовал желание убить человека и подумал, как Теобальду Муру повезло, что его сейчас здесь нет.

Харита лежала в постели, переворачиваясь с боку на бок, и никак не могла заснуть. Она винила себя, что испортила мужу день рождения. И испортила то, чего ждала с таким нетерпением, и просто потому, что не смогла преодолеть ужас, внушенный отцом. Одно дело говорить себе, что предсказанное отцом не случится еще целый год или больше. И совсем другое — думать, что Альварик оставит ее, как говорил отец, и вернется к тем женщинам, которых он любит и которые любят его. Это было просто невыносимой мукой.

«Как я смогу это пережить? Как смогу отпустить его?» — спрашивала себя Харита, и от боли, которую причиняла одна эта мысль, ей хотелось плакать.

— Я хочу, чтобы он остался со мной... я хочу его...

Вдруг она остановилась.

Пришедшая в голову мысль заставила ее сесть на кровати.

Словно вспышка молнии, словно ее мысль была написана огненными буквами на темной стене, она поняла, чего хочет.

Она хочет, чтобы ее муж любил ее.

До этого момента — только теперь она поняла, как была глупа, — ей даже в голову не приходило, что она хочет от мужа не дружбы, а любви.

«Я люблю его!» — с изумлением сказала себе Харита, поражаясь, какой слепой она была, какой глупой и как могла не понять этого раньше.

— Я люблю его! Я люблю его!

Она произнесла эти слова вслух, не веря, что действительно произносит их. Словно яркий свет озарил вдруг окружающую ее тьму, и все стало совершенно ясно.

Она любила лорда Вернема, даже когда боялась его, любила за доброту и сочувствие, которые он проявил, когда спас ее из озера. И с каждым днем любила его все больше и больше.

Она доверяла ему, потому что от него исходило сочувствие, понимание и чувство безопасности, защищенности, которых она никогда не знала.

И все это время чувство, которое она испытывала, которое росло в ней, пока не заполнило всю целиком, было любовью! Она не понимала, что любовь может быть такой — счастье и мука одновременно — потому что она боялась потерять его. Ей вдруг пришло в голову, что, хотя она любит его, он ее никогда не полюбит.

Что она может предложить ему? Чем может быть для него, кроме докучного дикого зверька, который не делает то, чего от него хотят?

Чувства, переполнявшие Хариту, были такими удивительными. Она встала, зажгла свечи возле кровати, а потом на туалетном столике. Ей хотелось посмотреть на себя в зеркало, узнать, изменила ли ее любовь и есть ли в ней что-то, способное привлечь человека, за которого она вышла замуж.

"Если бы только я была красивой», — подумала она, и увидела, как Харита в зеркале с отчаянием взглянула на нее. Она беспокойно заходила по спальне, а спавший под кроватью Бобо проснулся и с удивлением взирал на всегда такую тихую хозяйку.

Но Харита его не замечала.

Она вся была охвачена новыми, необычными ощущениями и казалась себе совсем не той, что прежде.

«Я люблю, — с удивлением сказала она себе, — люблю и хочу его. Я хочу быть с ним... хочу, чтобы он... целовал меня».

На мгновение такие мысли испугали ее, потом она вспомнила, как Альварик целовал ей руку, и подумала — неужели ему никогда не хотелось поцеловать ее в губы.

— О Альварик! Я люблю тебя!

Ей казалось, что ее чувства летят к нему в соседнюю комнату, и в этот момент раздался стук в ее дверь. Это была наружная дверь, ведущая в коридор, и, мгновение поколебавшись, она открыла ее. За дверью стоял Холден.

— Что случилось, Холден? — спросила Харита.

— Прошу прощения, что побеспокоил вас, миледи, — ответил Холден. — Я направлялся к его светлости, но у него свет уже погашен, видимо, он спит.

— Не беспокойте его, — сказала Харита. — У его светлости был сегодня трудный день, и он

устал.

— Я так и подумал, ваша милость, но решил, что мне лучше сказать вам о том, что случилось, а уж вы потом передадите его милости.

— Что же случилось?

— Это только предупреждение, но нам сообщили из деревни, что из цирка, направляющегося в Сент-Олбенс сбежал лев.

— И вы думаете, что он может появиться здесь?

— Все может быть, тем более что у нас тоже есть львы. Но я надеюсь, миледи, я очень надеюсь, что этого не случится.

— Почему?

— Потому что он опасен. Он покалечил своего дрессировщика и еще двоих, пытавшихся помешать ему сбежать. — Холден помолчал и значительно добавил: — Говорят, он убийца и должен быть застрелен как можно скорее.

— Это звучит пугающе! — воскликнула Харита.

— Вот поэтому я и решил, что его милость должен знать, но я не стану его беспокоить. Если он проснется, миледи, передайте ему это.

С этими словами Холден протянул Харите ружье.

— Его милость пользовался им в Африке. Только будьте осторожны, оно заряжено.

— Да, разумеется, я передам его милости ваши слова.

— Благодарю вас, ваша милость. Простите, что побеспокоил.

— Ничего страшного, Холден.

Харита закрыла дверь и прислонила ружье к столику возле кровати.

Холден правильно сделал, что не стал будить хозяина.

Их ужин прошел уныло, большей частью в молчании, потому что она не могла разговаривать естественно, хотя лорд Вернем и пытался заинтересовать ее разговором.

— Я пойду спать, — печально сказала она, когда они перешли в гостиную.

Ей очень хотелось остаться с ним, но она боялась, что не выдержит, окажется слишком слабой и расскажет обо всем, что говорил отец.

Ей не хотелось подавать лорду Вернему эту идею — а вдруг он решит уехать раньше, чем предсказал ее отец? Она твердила себе, что должна молчать, но было так трудно, почти невозможно, сидеть рядом с ним и не рассказать, как тревожит ее будущее.

Она пробыла у себя в комнате всего час, когда услышала, что он тоже поднялся к себе. Харита слышала, как он ходил по комнате, потом лег и потушил свет. Только тогда она попыталась

уснуть и не смогла.

Теперь она задула свечи и посмотрела под дверь, соединяющую их спальни.

«Если там горит свет, — сказала она себе, — будет повод зайти к нему».

Она помнила, как он был добр, когда они с Бобо испугались грозы. Интересно, что он сделает, если она заберется к нему в постель и попросит обнять ее? При этой мысли ее охватила легкая дрожь. Потом сердце замерло при мысли, что он приласкает ее не потому, что хочет, а просто потому, что добр.

— Я хочу, чтобы он любил меня! — снова и снова повторяла Харита, глядя на разделявшую их дверь.

Лорд Вернем проснулся с быстротой человека, привыкшего к опасности. Он понял, что разбудил его рев львов в вольере. Это было странно, потому что с самого приезда в свой новый дом они вели себя очень тихо.

Сейчас же они издавали очень странные звуки, и лорд Вернем подумал, что они чем-то встревожены, что они не только режут, но и рычат. Он не мог понять, что так рассердило львов.

Вряд ли в парке ночью будет ходить кто-то чужой, но если это так, то Белла наверняка забеспокоится и будет готова защищать своих детенышей. Все таки нужно выяснить, что же там случилось.

Он соскочил с кровати, зажег свечу, достал рубашку и брюки и поспешно натянул их.

Зная, что земля сухая, он сунул ноги в бархатные туфли, подаренные ему Харитой на день рождения, осторожно открыл дверь спальни и поспешил вниз.

Ему было проще выйти из дома в нужную сторону, открыв одну из стеклянных дверей, которые вели на террасу. Выйдя из дома, он услышал еще более яростный рев львов и поспешно направился через лужайку к мосту, перекинутому через озеро в конце сада.

Светила полная луна, бросая на гладь озера таинственный серебристый свет, и все вокруг было видно как днем. В другое время лорд Вернем непременно остановился бы и полюбовался этой красотой, но сейчас он спешил, потому что, чем ближе он подходил к львам, тем яснее становилось — происходит что-то необычное.

Белла яростно рычала, и он понял, что она не только сердится, но и готова защищаться. Если кто-то войдет в вольер, она, несомненно, бросится и убьет его.

Лорд Вернем почти бегом пересек мост, и теперь рев львов был почти оглушающим. Аякс тоже ревел, и разбуженные львами гепарды присоединились к общему хору.

Он подошел к воротам и по яростному рычанию Беллы понял, что сначала должен подать голос, иначе львы могут наброситься на него.

— Белла! — позвал он. — Аякс! Что вас так расстроило?

При звуке его голоса Аякс перестал реветь, а Белла хотя и продолжала рычать, но уже гораздо тише.

— Идите сюда! Идите ко мне, — позвал лорд Вернем. — Идите и расскажите, что случилось. Успокойся, Белла. Никто тебя не тронет. Что вас так рассердило?

Пока он говорил, Аякс подошел к нему, но Белла, яростно рыча, продолжала стоять перед деревянным домом, где, видимо, были ее детеныши.

— Что такое? — спросил лорд Вернем.

С этими словами он хотел уже открыть ворота, но заметил какое-то движение в густых кустах справа от него.

— Кто там? Что вы делаете? — громко спросил он.

В кустах опять кто-то шевельнулся, но в тени невозможно было разглядеть, кто именно устроил такой переполох.

— Выходите и дайте мне на вас посмотреть, — приказал лорд Вернем.

К этому времени Аякс подошел к воротам и издал низкий рык. В кустах снова послышался шорох, и вдруг на залитую лунным светом поляну вышел большой лев.

Он был старый, грязный, но явно опасный. Мгновение лев стоял неподвижно, потом стал крадучись приближаться. Лорд Вернем понял, что лев движется к нему, готовясь к последнему прыжку. Он стоял, словно окаменев, все тело напряжено, и наблюдал за львом, прекрасно понимая, что заговорить с ним бесполезно, это может только подтолкнуть зверя к еще более быстрым действиям.

Слишком поздно он осознал, что прийти сюда вот так, безо всякого оружия — поступок поспешный и непрофессиональный; но он и подумать не мог, что опасность ожидает его в тихом парке, за пределами вольера.

Аякс сердито рычал, а лев подкрадывался все ближе и ближе к лорду Вернему. Все его худое тело было напряжено, каждый мускул готов к убийству.

Лорд Вернем затаил дыхание, прикидывая, как быстро он сумеет отскочить в сторону, понимая, что единственный шанс избежать когтей льва — воспользоваться той долей секунды, пока тот будет в воздухе.

Он подумал, что даже если не будет убит, то уж искалечен наверняка, но в этот самый момент раздался громкий выстрел.

Он прозвучал откуда-то сзади и от неожиданности показался просто оглушительным. Уже прыгнув, лев рухнул на землю.

Мгновение лорд Вернем завороченно смотрел на дергающееся тело, понимая, что еще никогда не был так близко к смерти, и не мог поверить, что он невредим, а опасность позади.

Но тут ружье полетело к его ногам, а руки Хариты обвили за шею. Дрожащими губами она отчаянно целовала его лицо.

— Я подумала... он убьет вас! — повторяла она снова и снова.

Удивленно, словно во сне, лорд Вернем обнял ее. Звук выстрела все еще стоял у него в ушах.

Потом он склонился к ней в долгом поцелуе.

Глава 7

Лорд Вернем так крепко обнял Хариту, что она едва могла дышать, но его губы дали все, о чем она мечтала, и прогнали страх, что он мог быть убит.

Он поднял голову и посмотрел на ее залитое лунным светом лицо:

— Ты спасла мне жизнь, любимая!

Она снова притянула к себе его голову. Ее нежное тело сотрясала дрожь, и он осознал, что она босая и в одной ночной рубашке.

Лорд Вернем бросил взгляд на неподвижное тело льва.

— Я отнесу тебя домой, — произнес он, беря жену на руки.

Она не ответила, лишь смотрела на него глазами, в которых сиял свет звезд, пока он нес ее через мост на другой берег озера.

Здесь сад еще не был расчищен, все заросло высокой травой и цветами, наполнявшими воздух благоуханием, которое, казалось, смешивалось с лунным светом, отражавшимся в озере.

Мгновение поколебавшись, лорд Вернем нежно опустил Хариту на траву и сел рядом с ней.

— Ты спасла мне жизнь! — повторил он. — Как ты узнала? Как догадалась о том, что происходит?

— Это я... я виновата... что вы вышли из дома... и не знали, что лев убежал, — ответила она. — Холден сказал... а я... уснула.

В ее голосе было столько вины и раскаяния, что лорд Вернем нагнулся и прижался к ней щекой.

— Но ведь ты пришла и спасла меня. Ты была такой храброй.

— Если бы вы умерли... я бы тоже... умерла.

Она произнесла эти слова чуть слышным шепотом, но он все же разобрал.

— Забудь обо всем, — сказал он. — Мы оба живы, и мне даже кажется, что ты немножко любишь меня.

Их губы были совсем близко, и в глазах Хариты он прочел вопрос.

— Я люблю тебя, мое сокровище, — произнес он. — Люблю уже давно, только боялся сказать.

— Вы... любите меня? Правда... любите?

— Я даже не представлял, что могу кого-то так любить, но боялся, отчаянно боялся испугать тебя.

— Я не боюсь вас... уже не боюсь, — ответила Харита. — Но вы уверены... что любите меня?

Мне это... не снится?

— Я люблю тебя так сильно, что ни о чем больше не могу думать.

Он почувствовал, как от его слов затрепетало ее тело, и нежно коснулся ее рукой, ощутив нежную линию бедра под тонкой тканью рубашки.

— Как... как давно... вы любите меня?

Его прикосновение вызвало в ней странные, доселе неведомые ощущения, дыхание стало неровным.

— Я влюбился, когда вытаскивал тебя из колодца.

— Почему же... вы не сказали мне?

— Ты доверяла мне как другу, но то, что чувствовал я, было совсем не дружбой. Я сходил с ума, не имея возможности поцеловать тебя, сделать тебя моей.

При этих словах голос лорда Вернема задрожал.

— Вам хотелось поцеловать меня?

— Никогда в жизни ничего так не хотел.

— Но вы... даже не попытались.

— Я боялся испугать тебя.

Помолчав, Харита прошептала:

— Вы сказали... что хотели... сделать меня своей.

Он с трудом расслышал ее слова.

— Бог свидетель, как я этого хотел, но останавливался при одной мысли, что ты можешь испугаться.

— Я не буду... бояться... и хочу... быть вашей.

— Я буду очень нежен, любовь моя.

Их губы встретились. Поцелуй сначала был легким и нежным, он, казалось, просил ее.

Потом почувствовал ее ответ, что-то волшебное проснулось в обоих, и поцелуй стал более требовательным, настойчивым, страстным.

Харита почувствовала, как в ней вспыхивает и разгорается пламя, и это чудо было частью луны и звезд отражавшихся в глади озера, частью аромата трав и красоты аббатства.

Она ощущала прикосновение его рук, его губ!

Все ее тело трепетало от чувств, которые он пробуждал в ней, от восторга, слившегося их воедино.

Упавшие звезды накрыли их волшебной пеленой, шорох травы музыкой отзывался в их сердцах, души открылись навстречу Творцу.

Потом в тишине раздался тихий, нежный вскрик, но это не был крик страха.

Позже, гораздо позже, когда за стенами аббатства звезды уже гасли в светлеющем небе, Харита, подняв лицо с плеча мужа, прошептала:

— Ты... все еще любишь меня?

— Неужели тебе действительно нужно задавать такой глупый вопрос, моя обожаемая жена?

Он повернул голову, нежно поцеловал ее в лоб и откинул длинные волосы, коснувшись нежной груди.

— Я тебя не напугал?

— Ты же знаешь... все было... просто чудесно... Я и не думала... что любовь может быть... такой восхитительной... и такой волнующей.

— Я очень хочу волновать тебя.

— Ты заставил меня почувствовать... словно я коснулась звезд и в то же время... была необузданна... как ветер.

— Именно этого я и хотел, моя бесценная любовь.

Она снова затрепетала от его ласки и прошептала:

— Я хочу... кое-что спросить.

— О чем же?

— Как ты думаешь... ты уже дал мне... ребенка?

Он улыбнулся, прежде чем ответить.

— Вполне возможно, и если ты этого хочешь, то так мы и сделаем.

Она придвинулась поближе и едва слышно произнесла:

— Папа... сказал, что когда я подарю тебе... наследника... ты оставишь меня и снова уедешь за границу... к тем прекрасным женщинам... которых любил прежде.

Она почувствовала, как напряглось тело мужа, однако он спокойно произнес:

— Я вряд ли поеду за границу, здесь слишком много дел. Но если я и поеду, то вместе с тобой.

— Это правда? — радостно вскрикнула Харита.

— Неужели ты думаешь, что я оставлю самое дорогое, самое прекрасное из моих сокровищ?

Он услышал ее облегченный вздох и продолжал:

— Что же касается других женщин, моя волшебница, то я просто не в состоянии видеть что-

либо, кроме твоих больших выразительных глаз, нежных губ и совершенного тела, которые волнуют меня, как никогда прежде!

— И мне... не нужно бояться... потерять тебя?

— Всю свою жизнь я буду учить тебя не бояться и сумею тебя убедить, что ты никогда не потеряешь меня. Ты ведь уже знаешь, что мы не можем жить друг без друга.

Харита снова вздохнула, но теперь это уже был вздох счастья.

— Я боялась... — снова заговорила она, — что папа... сказал правду.

— Что он еще сказал?

— Когда ты уедешь... он хотел, чтобы я стала... хозяйкой в Вернем-Хаусе... и устроила Салон... для важных и выдающихся людей.

Он почувствовал, как задрожала Харита.

— Я бы этого не выдержала! Просто не выдержала! Я бы... боялась... а папа... командовал мной... как всю жизнь.

— И как он никогда больше не будет делать, — спокойно заверил ее лорд Вернем. — Забудь об отце, Харита. Я поговорю с ним и добьюсь, чтобы его нелепые идеи не отравляли нашу семейную жизнь.

— Ты думаешь... он послушает?

— Наверняка послушает, — сурово произнес лорд Вернем. — Теперь ты принадлежишь мне. Ты моя, и в будущем я сам стану о тебе заботиться, так чтобы никто больше не смог побеспокоить или обидеть тебя. Обещаю!

— Мне жаль... что я испортила твой день рождения, — тихо сказала она. — Я так его ждала. А потом папа сказал... что ты оставишь меня... и я подумала, что ты никогда не любил меня... а просто старался быть добрым.

— Ну а теперь ты понимаешь, что я испытывал совсем другие чувства? — спросил он.

Она поцеловала его в плечо и продолжала:

— Я знаю... что теперь ожила... что ты вернул мне... красоты мира. Небо, солнце, звезды, луну — и животных, они тоже часть тебя.

— О дорогая! Именно таких чувств я и ждал от тебя. Так мы будем чувствовать всегда, и никто не сможет разрушить наше счастье.

Она понимала, что он говорит о ее отце, перед которым впервые не почувствовала страха. В объятиях мужа она чувствовала себя неприступной крепостью.

А он понимал, о чем думает она. Лорд Вернем взял жену за подбородок и повернул к себе.

— Расскажи мне! — потребовал он.

— Я... я подумала, что с тобой... я в безопасности... и я верю тебе, что никто не причинит мне

боль... как когда-то отец.

— Ты моя, — заверил ее лорд Вернем, — вместе мы сделаем столько замечательных дел, сердце мое. Кроме всего прочего, мы увеличим нашу коллекцию зверей, пока наш зверинец не станет одним из лучших в Англии, и мы постараемся, чтобы наши питомцы были счастливы, а я напишу про них не одну, а дюжину книг!

— Как замечательно! Я хочу начать прямо сейчас! — воскликнула Харита.

— В данный момент я не позволю тебе думать о чем-нибудь, кроме меня, и к тому же, любовь моя, нам следует подумать и о своей семье. В доме достаточно места для целой оравы ребятишек.

— И ты не оставишь меня... когда получишь... наследника?

Вопрос был задан уже не так серьезно, как в первый раз, но где-то в глубине все еще таился страх.

— Я могу уехать по одной-единственной причине.

— И... какой же?

Он почувствовал, как под его руками напряглось ее тело.

— Если ты перестанешь любить меня.

— Я никогда не перестану... ты же знаешь, я никогда не перестану любить тебя... всем сердцем... всей душой...

Он коснулся ее губами и произнес:

— Ты что-то забыла.

— Что?

— Твое тело — твоё прекрасное, волнующее тело, дорогая. Оно мне нужно тоже.

— Оно твоё! Ты же знаешь... оно твоё!

— Моя нежная, моя пугливая жена поневоле, как мне рассказать тебе о том, что ты для меня значишь?

— Только не поневоле. Я всегда... всегда буду охотно делать то, что ты хочешь.

Его губы заглушили ее последние слова, он целовал ее до тех пор, пока она уже не могла думать ни о чем, кроме него.

Харита снова почувствовала, как в ней разгорается пламя, еще более безудержное, чем прежде. Она все теснее прижималась к мужу, ощущая экстаз и восторг, которые он ощущал вместе с ней.

Совсем рядом она слышала биение его сердца, чувствовала требовательные, ищущие губы.

«Я люблю тебя», — хотелось ей повторять, она знала, что сжигающее их пламя и есть

настоящая вечная любовь, которая никогда не умрет.

А под кроватью совершенно счастливый Бобо, разорвав в клочки дорогой пеньюар, брюки и рубашку, охотился на новую добычу. Он прыгнул на нее и прижал двумя лапами, чтобы не убежала.

Черные бархатные туфли, украшенные золотой вышитой короной, были лучшей добычей, которую ему пока удалось поймать.

mir-knigi.org